

1864 $\frac{21}{V}$ 1914

ПОКОРЕНИЕ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
И
ОКОНЧАНИЕ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Исторический очерк Кавказско-горской войны
в Закубанском крае и Черноморском побережье.

Составил начальник Военно-Исторического Отдела
полковник Семен Эсадзе

Майкоп. Изд. «МЕОТЫ», 1993 г.

Для составления Исторического очерка послужили нижеследующие источники:

Архивные дела штаба Кавказского военного округа, 2-го отделения генерального штаба — 1838 г. № № 100, 131, 1861 г. № 1, 1863 г. № 70, 1864 г., № 8, 44. Журналы военных действий за разные годы. Материалы Военно-Исторического отдела.

Акты Кавказской археографической комиссии, тома VII и VIII. Военные Сборники 1864 г. № № 11 и 12. Кавказские Сборники, тома II, V, VIII, IX, X и XVII. Газета «Кавказ», 1864 г. № 44. *Бобровский*. История 13 лейб-гренадерского Эриванского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка за 250 лет. *Корганов*. История 45-го драгунского Северского полка. *Потто*. История 44-го драгунского Нижегородского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. *С. Эсадзе*. Историческая записка об управлении Кавказом, том I, и к 300-летию Дома Ромаловых. Утверждение русского владычества на Кавказе. т. IV.

ЭХО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Перед вами, читатель, книга, давно ставшая библиографической редкостью — «Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны», написанная начальником военно-исторического отдела полковником Семем Эсадзе. Этот исторический очерк «Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье» был специально написан к 50-летию окончания Кавказской войны. Автор, естественно, выполнял политический заказ. Его цель заключалась в том, чтобы оправдать политику царизма на Кавказе. Вместе с тем, следуя принципу историзма, автор вольно или невольно вместо оправдания действий царизма на Северо-Западном Кавказе вынес ему суровый приговор.

Предки черкесов, вообще (адыге), — отмечает С. Эсадзе, — отличались большим благородством, умом и славились деятельностью и трудолюбием. С течением времени мирная жизнь их нарушалась военными тревогами, и они вместе с непреодолимым стремлением к независимости развили в себе необыкновенную воинственность и стали грозой своих соседей. Не смерти, но бесславной жизни боялся черкес и смело шел на врага. Зато останки погибших на поле битвы были для адыгского народа священны. Могилы предков составляли предмет его глубокого почитания и забот. Черкесские народы служили образцом для подражания своим воинственным соседям.

И хотя он зачастую именует воинские формирования горцев скопищами, а черкесов враждебным народом, тем не менее С. Эсадзе отдает дань мужеству и отваге, которые проявляли горцы, защищая свою землю.

Как казаки, так и черкесы в этой постоянно тревожной, боевой жизни, — пишет он, — выдвинули многих героев, память о которых до сих пор живет среди них. И те и другие отличались мужеством и, встретившись, не отступали и не просили пощады. В подтверждение своих слов автор приводит многочисленные примеры.

Исторический очерк С. Эсадзе охватывает в основном события, развернувшиеся на Северо-Западном Кавказе после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подписания Адрианопольского трактата. По этому договору Россия «получила Ахалцихский пашалык, крепости Поты и Анапу, весь Закубанский край и побережье Черного моря». Но как справедливо отмечает С. Эсадзе, «сами черкесы Закубанского края и Черноморского побережья в сущности никогда не признавали себя подвластными султана». Предстояла длительная борьба по утверждению владычества России на Западном Кавказе. Это осознавали и в окружении царя. Николай I писал командующему Отдельным Кавказским корпусом фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столько же славное, а в рассуждении пользы гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Для реализации своих пока номинальных прав на Северо-Западном Кавказе Россия начинает открытые военные действия против черкесов. С самого начала эта война была захватнической и антинародной со стороны России и освободительной, антиколониальной со стороны горцев, боровшихся за свою независимость. Военные действия начались против закубанских горцев в 1830 г. Наибольший размах они приобрели в 1837—1839 гг., когда были построены укрепления, объединенные в Черноморскую береговую линию.

Адыги и другие горские народы оказались оторванными от внешнего мира, что значительно ухудшило их положение. Вследствие неурожая и вызванного суровой зимой 1840 г. падежа скота в Закубанье разразился страшный голод. Черноморское побережье запылало огнем всеобщего восстания. Форты, созданные для блокады черноморского побережья, не имея достаточных сил для укрепления гарнизонов, сами оказались в блокаде и подвергались постоянным набегам и разрушени-

ям со стороны горцев. В течение февраля и марта адыги штурмовали один за другим укрепления Лазаревское, Головинское, Вельяминовское, Михайловское. При штурме этих укреплений горцы проявляли чудеса храбрости, не меньшую отвагу проявили и защитники укреплений. Правда, в отличие от казаков, большинство черкесских героев так и осталось безымянными.

Спустя полтора века после этих событий, в 1938 г. руководители ряда причерноморских городов при активной поддержке партийных и советских органов развернули в средствах массовой информации шумную кампанию по празднованию «юбилеев» городов Сочи, Туапсе, Новороссийска и других населенных пунктов на том основании, что все эти форты и укрепления создавались якобы на пустом месте. Прискорбно, что некоторые ученые-историки Кубани выступили тогда с «научными» обоснованиями правомерности празднования таких, с позволения сказать, «юбилеев». В очерке С. Эсадзе читатели найдут ответ и на этот вопрос. В частности, на месте деревни Сочи, захваченной в результате продолжительного штурма, был заложен форт Александрия, переименованный впоследствии в форт Навагинский, ныне Сочи.

После пленения Шамиля в августе 1859 г. все силы были брошены на Северо-Западный Кавказ. Левое крыло Кавказской линии было переименовано в Терскую область, а правое крыло вместе с Черноморией вошло в состав Кубанской области. Командующим войсками Кубанской области и наказным атаманом был назначен генерал-адъютант граф Н. И. Евдокимов, с именем которого связаны самые трагические события в исторической судьбе адыгов. Объехав обширный край, граф Н. И. Евдокимов в ноябре 1860 г. представил свои предложения о военных действиях для окончательного покорения Западного Кавказа, причем главным средством для этого должны были послужить заселение казачьими станицами всего пространства между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря. Горцам же было предложено выселиться на равнины или же удалиться в Турцию. «Переселение непокорных горцев в Турцию, — подчеркивал генерал Н. И. Евдокимов, — без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны». Этот план был лично одобрен императором Александром II.

Это был не единственный вариант приведения к «покорности» черкесов. Атаман Черноморского казачьего войска Г. И. Филипсон, в частности, доказывал, что «горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной» и здесь «вовсе не применим тот образ действий, которые привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане» и предлагал достигнуть покорности закубанских адыгов мирным путем, «только занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и правам туземных племен, в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией, и т. д.», чтобы не вызвать вмешательства в кавказские дела Европы и в особенности Англии. Но, как известно, был одобрен план Н. И. Евдокимова, поддержанный большинством высшего кавказского начальства во главе с Главнокомандующим Кавказской армией князем А. И. Барятинским.

Адыги отказывались верить, что столь жестокий план может быть приведен в исполнение. Абадзехи, которые уже изъявили покорность, просили Н. И. Евдокимова послать депутацию от Сочинского меджлиса (государственный орган адыгов, образованный в Сочи 13 июня 1861 г.) в Петербург, «чтобы удостовериться, действительно ли к ним предъявляются требования по воле Государя». Когда же в этом было отказано, то они попросили послать с такой же целью представителей в Тифлис к наместнику Кавказа князю А. И. Барятинскому. Между тем как проходили эти переговоры «войска успели перерезать дорогами и просеками все пространство, которое населяли племена по рекам Псефиру, Фарсу, Губсу и по правую сторону Белой».

В сентябре 1861 г. император Александр II во время своего пребывания на Кавказе дважды встречался с представителями адыгов. Первая встреча произошла в Тамани 11 сентября 1861 г., куда «прибыли более 500 мирных и немирных черкесов с намерением просить Государя не выселять их с Кавказа». Здесь, по свидетельству С. Эсадзе, «произошла одна из глубокопотрясающих сцен: при приближении монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы». Затем старейший из них, выступив немного вперед, произнес приветствие.

От имени своего народа он просил императора об одном: «Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места, наравне с войсками вашими, будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как и на остальных ваших верных подданных». Царь внимательно выслушал эту просьбу и «обещал сделать все возможное». Как только эти слова были переведены черкесам, послышались радостные восклицания и все они двинулись провозгласить царя с громкими пожеланиями счастья и благополучия. Но царь жестоко обманул черкесов. Через неделю, 18 сентября 1861 г., в местечке Хамкеты (близ станицы Новосвободная Майкопского района) Александр II принял депутацию представителей Сочинского меджлиса в количестве 50 человек. Адыги соглашались перейти в русское подданство, если им дадут возможность остаться в горах, на прежних местах жительства. Однако царь заявил: «Я даю месячный срок — абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают землю в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию». Все предложения о мире и изъявления покорности горцами отвергались с ходу командованием царских войск. Они, как отмечает С. Эсадзе, «не могли изменить систематического плана покорения».

Несмотря на упорное сопротивление, которое оказывали горцы, остановить наступление регулярной армии им не удалось. Один за другим аулы приводились к покорности — они сотнями выжигались, посевы истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители изгонялись с родных мест. В 1863 г. с сопротивлением абадзехов и кубанских шапсугов было покончено. В начале 1864 г. по плану генерала Н. И. Евдокимова войска двинулись на южный склон Главного Кавказского хребта. Теперь предстояло «очистить» береговую полосу. Операция эта проводилась в зимних условиях, поскольку «уничтожение запасов и солений действует губительно, горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище». В книге С. Эсадзе читатель найдет много примеров того, как хладнокровно приводился в исполнение план гене-

рала Н. И. Евдокимова. 25 марта 1864 г. без выстрела был занят бывший форт Навагинский (Сочи). Этот факт для царизма означал по сути утверждение своего владычества на Северо-Западном Кавказе. Оставалось сломить сопротивление хакучей, а также некоторых западно-абхазских племен. «Остатки черкесских племен вынуждены были подчиниться русской власти», — отмечалось в приказе по Кавказскому военному округу от 21 мая 1914 г.

21 мая 1864 г. в глухом урочище Кбаада состоялись торжественное молебствие и воинский парад, посвященный окончанию Кавказской войны. По этому случаю император Александр II обратился с рескриптом к Великому князю Михаилу Николаевичу, в котором, вероятно, сам того не подозревая, назвал истинную причину Кавказской войны, отметив, что данный факт «ознаменовал многолетнюю кровавую борьбу, поднятую для ограждения наших владений, сопредельных с Кавказским краем от набегов хищников, для защиты от порабощения мусульманами единоверных нам народов, добровольно вручивших свои судьбы под покровительство России и для умиротворения края, представляющего издревле постоянное зрелище междоусобия, грабежей и разбоев. На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорения Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что «отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени». Перед историей Александр II вынес, таким образом, приговор царизму.

В ознаменование исключительных заслуг участников Кавказской войны 12 июля 1864 г. для всех офицеров и нижних чинов был учрежден особый крест в память покорения Кавказа и особая медаль для тех чинов, которые принимали участие в военных действиях на Западном Кавказе с 1859 по 1864 гг. Нижним чинам был сокращен срок выслуги службы с 20 до 15 лет и разрешен увольняемым чинам отвод земель в покоренном крае.

В приказе № 103 по Кавказскому военному округу от 21 мая 1914 г. отмечалось, что «подвиги Кавказской армии вызывали в свое время удивление всего мира». Трудно поверить, что геноцид против целого народа мог вызвать удивление и восхищение цивилизованного ми-

ра. «Наши действия на Кавказе, — свидетельствовал начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н. И. Раевский, еще в феврале 1841 г. — напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пизарра и Кортеса. Дай, Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобного тому, какой оставили эти завоевания в истории испанской».

Давид Уркарт, считающийся в советской исторической науке английским шпионом в Черкесии, выпустил 1 июня 1864 г. номер «Free Press», окруженный черной каймой. Он сообщал о конце Черкесии.

К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу 7 июня 1864 г. писал: «Чрезвычайный шаг, который русские совершили теперь на Кавказе и к которому Европа приглядывается с идиотским равнодушием, почти принуждает их закрывать глаза на то, что делается на другой стороне и облегчает им эту возможность. Эти два дела: подавление польского восстания и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 г.».

Внимательный читатель обратит внимание на то, что царизм проводил на Кавказе имперскую политику «разделяй и властвуй». Во многих сражениях против закубанских горцев принимали участие полки, отряды милиции, охотничьи команды из представителей кавказских народов.

Осуществляя колонизацию Северо-Западного Кавказа, царизм широко опирался на местных князей и дворян, щедро оплачивая их услуги и преданность роскошными подарками и высочайшими грамотами, делая для них исключения из правил. В книге повествуется о некоторых из них.

Прямой противоположностью им была деятельность руководителей освободительной борьбы адыгов Магомет-Амина, Сефер-бея Зана, Хаджи-Берзека и других, а также тех знатных горцев, которые благо своей родины видели в тесном союзе с Россией. Им С. Эсадзе посвятил немало страниц.

Финал Кавказской войны известен. Он ознаменовался для адыгов подлинной национальной трагедией — вынужденным переселением сотен тысяч горцев в Османскую империю. Всего с 1858 по 1865 гг. по офици-

альным сведениям выселилось около 500 тысяч человек, в том числе до 470 тысяч адыгов.

Попытки же переселенцев (махаджиров) вернуться назад на родину встречали противодействие царизма. Так на одном из прошений черкесов-переселенцев, поданном в 1872 г. русскому консулу в Константинополе Игнатьеву, Александр II наложил резолюцию: «О возвращении и речи быть не может».

Следует отметить, что вхождение Черкесии в орбиту политических и экономических интересов северного соседа было объективной необходимостью.

После Кавказской войны Адыгея окончательно вошла в состав России. С тех пор судьбы двух народов навеки переплелись.

Но не нужно забывать, что только после Октябрьской революции 1917 г. стало возможным осуществление права на самоопределение многих угнетенных наций и народностей царской России, в том числе и адыгов. 27 июля 1922 г. была образована Адыгейская автономная область; 5 октября 1990 г. провозглашена Республика Адыгея, а через несколько месяцев принята декларация о государственном суверенитете Республики Адыгея. В настоящее время Республика Адыгея является полноправным субъектом Российской Федерации и вносит свой вклад в строительство новой демократической России.

Кавказская война давно стала достоянием нашей непростой совместной истории. Сегодня непозволительно, спекулируя на трагедии прошлого, использовать боль его в угоду собственным политическим целям, искать виновников трагедии, предъявлять счета. Решение многих возникающих проблем, в том числе и национальных, возможно лишь на основе гражданского и межнационального согласия. Наглядный пример тому — формирование первого в истории Республики Адыгея парламента на паритетной основе.

В соответствии с решением исполнительных органов Республики Адыгея от 16 мая 1990 г. день 21 мая отмечается теперь ежегодно как День памяти всех погибших в Кавказской войне. Ведь в этой войне по вине ца-

ризма жертвами стали не только горцы, но и простые русские люди, одетые в военную форму.

Организовано отмечают этот день в республиках Северного Кавказа, а также в странах, где проживают потомки махаджиров — Турции, Сирии, Иордании, США и других. Отмечая этот день, многонациональный народ Адыгеи тем самым выражает свое стремление жить в мире, дружбе и согласии. Эти ценности непреходящи.

К. АЧМИЗ, кандидат исторических наук.

П Р И К А З
по
КАВКАЗСКОМУ ВОЕННОМУ ОКРУГУ
№ 103

Мая 21-го дня 1914 года. — В Алупке.

Доблестные Кавказские войска!

С чувством глубокого уважения к блестящим подвигам ваших предков приветствую вас в сегодняшний день пятидесятилетнего юбилея покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны.

Война эта велась на всем протяжении от моря Каспийского до моря Черного. 25 августа 1859 года взятием Гуниба и пленением Шамиля фельдмаршал князь Барятинский, лично руководивший военными действиями, умиротворил Чечню и Дагестан и тем положил прочное основание для завершения покорения остальных горских племен Кавказа. Начатое фельдмаршалом завоевание Закубанского края и Черноморья докончил Августейший его преемник Великий Князь Михаил Николаевич.

Неутомимые труды Кавказских войск под предводительством графа Евдокимова и самого Августейшего Главнокомандующего, увенчались полным успехом. Остатки черкесских племен вынуждены были подчиниться русской власти. 50 лет тому назад в Красной Поляне Черноморской губернии, в присутствии боевых ваших

предков и Великого Князя, было совершено торжественное молебствие по случаю окончания Кавказской войны.

Наступил столь желанный конец кровопролитной борьбы! Богатый Закубанский и Черноморский край быстро заселился станицами и поселками. Враждовавшие народы, не признававшие ничего, кроме силы меча и произвола, могли предаться мирному, свободному труду. Под покровительством русских законов они поняли всю пользу спокойной жизни, и благосостояние их постепенно увеличивалось одновременно с культурным развитием края.

В продолжительной войне с горцами Кавказский солдат проявлял бесчисленные примеры геройского самоотвержения, высокого воинского духа и горячую любовь к Царям и Родине.

В этом заключалась его мощь, его несокрушимая и страшная для врагов сила. Ему приходилось побеждать не только храброго воинственного противника, но и самую природу, когда он с сознанием исполненного долга проникал в тущобы недоступных гор, в дебри вековых дремучих лесов. Я сам, участвуя в этих походах, был свидетелем блестящих подвигов, невероятных трудов и лишений, совершенных и испытанных Кавказскими войсками.

Эти подвиги Кавказской армии вызывали в свое время удивление всего мира; они передавались в войска из поколения в поколение; они поддерживали славные боевые традиции. Дарованные Кавказскими войсками боевые знаки отличий указывали о заслугах их перед Венценосными Государями и Россией.

Празднуя сегодня полувековой юбилей окончания Кавказской войны, воздадим должное вашим предкам, кровью и жизнью запечатлевших свою беззаветную преданность и верность Царям и Родине и тем заслуживших признательность потомства. Помянем же ныне и наших доблестных вождей, водивших к славе войска — фельдмаршала князя Барятинского, графа Евдокимова и в Бозе почившего Августейшего Главнокомандующего, Великого князя Михаила Николаевича.

Счастливы и я выпавшим на мою долю жребием во

главе родных мне Кавказских войск праздновать сегодняшний юбилей. Счастлив я и тем, что за минувшие полвека, вы, дорогие боевые соподвижники, оказались достойными преемниками старых Кавказских войск. Оставайтесь истинными носителями заветов ваших отцов и дедов, и да послужит славное прошлое Кавказской армии залогом дальнейшего преуспеяния.

Подписал: Главнокомандующий войсками округа, Генерал-адъютант, Генерал от кавалерии Граф Воронцов-Дашков.

Распространение русской власти на Северном Кавказе и Черном море. Черноморское казачье войско. Черкесские и абазинские племена. Штурмы Анапы. Замечательный подвиг сотника Гречишкина с линейными казаками.

Русское государство, расширяя свои пределы, беспрепятственно овладело обширными степями, прилежащими к Каспийскому морю до самого Терека и даже до устья Сулака; затем и вся остальная Предкавказская равнина до Малки и Кубани была постепенно занята русскими переселенцами и казаками.

Так, уже при царе Иоанне Грозном на берегах Терека появляются первые русские поселенцы — гребенские казаки. Гребенцы участвуют в депутации кабардинских князей, прибывших в 1555 году в Москву с просьбой о покровительстве. Иоанн Грозный «подарил» гребенцов рекою Терекон и приказал для поддержания их и кабардинцев при устье этой реки построить крепость и город Терки. Гребенцы это исполнили, и в 1567 году было учреждено Терское воеводство, а по Тереку была устроена целая линия казачьих станиц.

Окруженные враждебными народами, гребенцы сплотились в военно-сословные общины, а Русские Цари оценили высокое значение казачества на Кавказ и всеми мерами содействовали его развитию. В 1736 году построен город Кизляр, а в 1763 году — город Моздок. В 1777 году линия по Тереку продолжена до Моздока.

По окончании первой турецкой войны, с назначением светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического Наместником и генерал-губернатором Новороссийским, Азовским и Астраханским, реше-

но было заложить между Доном и Терекком ряд новых укреплений, которые сдерживали бы нападения горских племен в русские пределы и послужили бы началом русских поселений на Северном Кавказе. Устроенная в 1777—1782 годах новая Моздоко-Азовская линия начиналась от Екатеринодара, при впадении Малки в Терек, пересекала прикавказские степи в северо-западном направлении через крепость Св. Дмитрия (Ростов) и оканчивалась у Азова. Для заселения этой линии, состоявшей из десяти крепостей, в том числе Георгиевска и Ставрополя, переведены с Волги волжские казаки, а также казаки, обитавшие на р. Хопре, образовавшие Волгский и Хоперский поселенные казачьи полки.

В 1782 году вооруженные силы на Северном Кавказе были значительно усилены образованием двух корпусов — Кубанского и Кавказского.

Азово-Моздокская линия хотя и оградила Дон и южно-русские степи от вторжения горских племен, но полудикие ногайские орды, кочевавшие к северу от р. Кубани, продолжали делать набеги на казачьи станицы. В 1783 году, тотчас же после присоединения Крыма к России, князь Потемкин приказал переселить ногайцев в степи за Волгу. Дело это было поручено Александру Васильевичу Суворову. При устье р. Лабы Суворов нанес страшное поражение ногайцам, после чего большая часть из них смирилась и водворена в Крыму. Выселение ногайцев умиротворило край от Кубани до Дона и связало навсегда имя великого Суворова с Кавказом.

Во время второй турецкой войны главное внимание Кавказского и Кубанского корпусов было обращено против турецкой крепости на Черном море — Анапы. Имея в крепости сильный гарнизон, Турция поддерживала отсюда вражду против России закубанских горцев. В особенности этому способствовал чеченский проповедник шейх — Мансур.

14-го октября 1788 года под Анапой появился русский корпус генерала Талызина. Энергичный начальник турецкого гарнизона Батал-паша предпринял вылазку; но в это время подоспел Кавказский корпус генерала Текелли. Турки хотя скрылись в крепости, но все-таки войска наши не предприняли штурма. В 1790 году к Анапе подступил с корпусом генерал Бибииков, который потерпел при штурме неудачу. После похода

Бибиикова турки усилили оборону Анапы; на вооружении находилось 86 орудий и 12 крепостных мортир. Гарнизон состоял из 10 тысяч турок и 12 тысяч вооруженных жителей, под начальством трехбунчужного Мустафы-паши. В крепости находился также шейх-Мансур.

21-го июня 1791 года генерал Гудович с 12-тысячным отрядом четырьмя колоннами штурмовал Анапу. Атака была блистательная — войска овладели крепостью, и трофеями победы были 83 пушки, 12 мортир, 3 бунчука, более 130 знамен и громадное количество провианта и военных запасов. Между прочим, в Кавказском Военно-Историческом музее (Храм Славы) в Тифлисе имеются взятые при штурме бунчуки Мустафы-паши.

Потеря турок простиралась до 8 тысяч убитыми; остальные сдались в плен. В числе пленных находился сам Мустафа-паша и шейх-Мансур. Победа и нашим войскам досталась ценою больших жертв: офицеров убито 18 и ранено 81, нижних чинов убито 812 и ранено 1934.

По приказанию Гудовича анапские укрепления были скрыты до основания, а город предан огню. Взятием Анапы закончилась на Кавказе вторая Турецкая война.

Ясский мир, заключенный с Турцией 29 декабря 1791 г., подтвердил права России на правый берег Кубани и Кабарду. Анапа была возвращена Турции, которая обязалась принять меры к прекращению вторжений в русские пределы.

После войны Гудович занялся усилением Кавказской линии. Высочайшей грамотой 30 июня 1792 года Черноморскому войску, бывшим Запорожцам, пожалованы были земли по правой стороне Кубани. От Усть-Лабинской крепости и далее, до берегов Азовского моря весной 1793 г. войско окончательно поставило свои курени (станции), а в следующем году основан главный город, названный в честь Императрицы Екатеринодаром. Для ограждения станиц от набегов черкесов в войсковых землях протянулся целый ряд укреплений, постов и батарей, которые образовали Черноморскую кордонную линию. Между прочим, два полка Черноморцев доблестно подвизались со своим знаменитым атаманом Захаром Чепегаю в начавшейся в это время Польской войне: под начальством великого Суворова они участвовали в штурме предместья Варшавы— Праги. Отби-

тые Черноморцами два штандарта польских королевских конных полков ныне хранятся в Тифлисе, в Храме Славы.

В то время как на Северном Кавказе устраивалась укрепленная граница, в Закавказье царь Грузинский Ираклий II отдал свое царство в 1783 году под покровительство единоверной, православной России; а преемник его царь Георгий XII в 1801 году добровольно присоединил Грузию к Российской державе. Присоединение Грузии изменило задачи русского государства — оно дало возможность России утвердиться и на всем Кавказе. Однако, для полного умиротворения Кавказа, Россия должна была положить большие усилия и жертвы.

Не касаясь многочисленных войн с Персией, с лезгинскими и чеченскими племенами Восточного Кавказа, укажем на положение России на Западном Кавказе.

Западный Кавказ делился: на Черноморскую кордонную линию, Правый фланг и Черноморскую береговую линию.

Все эти линии имели первоначально исключительное назначение — ограждение пределов России от нападений воинственных племен, занимавших северные скаты Главного Кавказского хребта. Но с присоединением Грузии и других частей Закавказья и Черного моря, доставивших России обширное влияние на Восток, требовалось вместе с тем открытые безопасного сообщения с внутренними губерниями государства. Таким образом, и для обеспечения сообщений с Закавказским краем и для самого спокойствия на кордонных линиях необходимо было силою оружия держать в повиновении враждебные племена.

Враждебные народы, населявшие Западный Кавказ, принадлежали к двум главным племенам: адыге (черкесы) и абазинскому. К черкесским племенам принадлежали: бесленей, бжедуги, махоши, егерукаи, темиргой, хамышейцы, натухайцы, верхние и нижние абадзехи, ближние и дальние шапсуги и убыхи; они жили между реками Лабой, Белой, Афинсом, по обеим сторонам Кавказского хребта до самого моря, в пределах от Сочи до Анапы. Абазинские племена составляли: башильбаи, тамовцы, казильбеки, шах-гирей, баракаи, баговцы, ахчипсху и джигеты (саадзен).

Из всех черкесских племен наибольшее значение

имели бесленей, абадзехи, убыхи, шапсуги и натухайцы.

Без бесленеевцев не совершался ни один набег. В особенности воинственность их была проявляема, когда ими в тридцатых годах управлял и предводительствовал князь Айтек-Каноков; наши поселения на Кубани часто страдали от его смелых наездов.

Абадзехи — самый сильный и воинственный из черкесских племен, занимали горный край, прилегающий к Главному Кавказскому хребту и были расселены по рекам Белой с притоками к Курджипису и Пшех, Пшишу, Псекупсу и другим до речки Супс, которая считалась их границею с шапсугами. Земля абадзехов представляла большие затруднения для военных действий: глубокие овраги, покрытые густыми лесами, многочисленные болотистые речки, огромный снеговой горный массив Оштен в Главном хребте — все это служило хорошей защитой от наших вторжений; только по долинам рек Пшиша и Псекупса были проложены хорошие конные тропинки через горы, и по ним абадзехи спускались к берегу моря, в долину Туапсе; этим путем абадзехи имели постоянное сообщение с убыхами.

Абадзехи разделялись на семь главных родов, ведущих свое происхождение от двух фамилий: Качмез и Воздемир; с представителями этих фамилий народом управляли выборные старшины. Абадзехские аулы были очень многочисленные и богатые; во всех столкновениях с нашими войсками абадзехи дрались неустрашимо, храбро и мужественно.

Убыхи занимали гористый и покрытый густыми лесами край от Черного моря до снегового хребта, по рекам от Песзуапсе, Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи. Земля убыхов более, чем какая либо другая часть этого края, представляла затруднение для военных действий. Через густые леса, переплетенные дикими виноградниками и вьющимися растениями, можно было проехать верхом только по тропинкам: с одной долины в другую убыхи переезжали преимущественно по берегу моря, к устьям рек Сочи или Шахе. Народное устройство убыхов было такое же, как и у абадзехов, с которыми они всегда жили в тесном союзе. Народом управляли влиятельные фамилии из рода Берзеков и Дишанов и выборные старшины.

На западе от абадзехов и убыхов, по обеим сторо-

нам Кавказского хребта, жили шапсуги и натухайцы.

Шапсуги — самый многочисленный народ, воинственный, но менее предприимчивый, чем их соплеменники. Шапсуги занимали богатый край между реками Шахе и Пшадою на южной стороне Главного хребта и между реками Супс и Адагумом, на северной стороне хребта. Шапсуги считались опасными соседями Черноморцев, и пластунам часто приходилось сдерживать их от смелых набегов в наши пределы. Шапсуги умели мужественно и стойко защищаться в своей земле. Между предводителями их прославились лихие наездники, например, Шеретлуков и Казбич. Шапсуги более абазехов привыкли к удобствам жизни; на берегу моря у них было несколько мест, которые служили пристанями для турецких мелких судов (кочерм), например, Туапсе, Джубга и Пшада. Получая от турок оружие, боевые припасы, соль, железо, мануфактурные товары, шапсуги продавали им почти исключительно рабов, мальчиков и девочек. Среди своих соплеменников шапсуги не пользовались уважением за кровожадность, непостоянство и страсти к хищничеству; наиболее же в дружбе жили со своими соседями натухайцами.

Натухайцы жили за Абином, вплоть до Новороссийска, Анапы и впадением Кубани в Черное море. Земля натухайцев состояла из богатых долин и гор, покрытых лесом. Занимая побережье моря, натухайцы отличались более мирными наклонностями и были менее воинственны; все свое благосостояние они основывали на деятельной и выгодной торговле.

Что касается абазинских племен, то между ними выделялись джигеты*, между реками Мзымтой и Бзыбью; выше джигетов, по обеим сторонам р. Псху, жили племена псху и ахчипсху, известные под именем медовеев; наконец, в верховьях рек Аше и Псезуапсе — племя хакучи. Кроме того, по течению реки Урупа жили ногайцы, а так называемые «беглые» кабардинцы по Большому и Малому Зеленчукам; вдоль по реке Кубани до Екатеринодара — бжедуги.

Предки черкесов вообще (адыге) отличались большим благородством, умом и славилась деятельностью и трудолюбием. С течением времени мирная жизнь их нарушалась военными тревогами, и они вместе с непреодолимым стремлением к независимости развили в

* Страбон называл народ этот именем виш.

себе необыкновенную воинственность и стали грозой своих соседей. Строгое воспитание приучило их переносить и сильный зной, и горный холод, и безропотно испытывать лишения. Умение владеть оружием стало главной обязанностью черкеса. На лихом коне, в стальной кольчуге, нередко оборванный и грязный, но всегда щегольски вооруженный, ловкий и неутомимый, он покидал семью и пускался в набег, как на праздник. Все развивало в нем буйный дух наездничества. Не смерти, но бесславной жизни боялся черкес и смело шел на врага. Зато останки погибших на поле битвы были для адыгского народа священны. Могилы предков составляли предмет его глубокого почитания и забот.

Черкес весь был создан для войны. Отлично владея оружием, он умел прекрасно выехать своего боевого коня, был ловок в набеге, умел вовремя уйти от погоны и неожиданно напасть на противника. Чтобы иметь хорошее оружие, черкес ничего не жалел для приобретения его. — «Смерть наездника в бою — плач в его дому, а потеря оружия — плач в целом народе», говорит народная черкесская пословица. Черкесские народы служили образцом для подражания своим воинственным соседям, и абазинские племена, а также ногайцы, ничем не отличались от них в наездничестве.

В больших массах на открытых равнинах черкесская конница любила действовать холодным оружием и предпочитала бросаться в шашки. При обороне в пересеченной местности черкесы отлично умели пользоваться местностью, встречая атакующего противника метким огнем из-за деревьев и камней.

Наше русское казачество, прошедшее к берегам Кубани, встретило в черкесах необыкновенных противников, и границы двух земель стали местом кровавой борьбы. На обширных Прикубанских равнинах было полное раздолье для конных черкесов и для лилейных казаков. И те, и другие отличались мужеством и, встретившись, не отступали и не просили пощады.

То же самое жизнь черноморских казаков, потомков Запорожской Сечи, сложилась так, что их природные военные качества еще более закалялись в непрерывной войне с черкесами Черноморья. Для противодействия черкесам Черноморцы вынуждены были создать у себя особый род пеших разведчиков: предприимчивых, смелых, которые впереди кордонной линии рыскали бы по

самым труднодоступным глухим тущобам кубанских плавней и своевременно извещали бы посты об угрожающей опасности. Такими разведчиками и явились «пластуны» — единственный тип казачества, вызванный исключительными местными условиями кордонной службы.

Пластуны стояли на первом плане кордонных линий и служили им верхней опорой. При встрече с неприятелем они находились впереди и всегда начинали бой. От них же требовалось, чтобы они зорко следили за неожиданными налетами и прорывом черкес. Они рассеяны были по всем постам особыми товариществами и преимущественно любили держаться в широких излучинах Кубани и кочевали по обоим берегам.

Суровые питомцы боевых невзгод и в зимнюю стужу, как и в летний зной, пластуны шли бодро и терпеливо навстречу опасности, проводили в своих отважных похождениях целые сутки сряду. Когда на линии было спокойно, что совпадало обыкновенно с временем полевых работ у горцев, пластуны обращали свои поиски в охоту за диким кабаном, козю, оленем.

Тактика пластунов была несложна. «Волчий рот и лисий хвост» — вот его основные правила. В ней вседневную роль играли: след — «сакма» и засада — «залога». Тот не годился пластуновать, кто не умел убрать за собою собственный след, заглушить шум своих шагов в трескучем тростнике; кто не умел поймать следы противника и в них прочесть направленный на Линию удар. Словом, пластуны были незаменимые стражи Кубанской линии — глаза и уши кордонных постов.

Черноморская кордонная линия простиралась по Кубани слишком на 260 верст, начиная от устья одного рукава этой реки до впадения в нее реки Большой Лабы. Возникнув вместе с переселением с Днепра Запорожских казаков, линия состояла из станиц и постов по Кубани; были выстроены также укрепления Варениковское, Ольгинское и Алексеевское, прикрывавшие переправы через Кубань к натухайцам, шапсугам и бжедугам. Из Варениковской пристани можно было проехать на берег Черного моря, в Анапу; из Ольгинского укрепления вела дорога на Абинское укрепление; посредством Алексеевской переправы производилось сообщение с Афипским укреплением. Сверх того находились старые укрепления: в Екатеринодаре — глав-

ному пункту войскового управления и пребывания наказного атамана, и Фанагорийское — на острове Тамани. Отправление кордонной службы по Кубани и содержание гарнизонов лежало на прямой обязанности Черноморских казаков.

Все означенные укрепления устроены были для облегчения наступательных действий за Кубань.

Начиная от впадения в Кубань Большой Лабы до Карачая тянулась Кубанская линия, которая вместе с устроенной в 1840 году Лабинской линией составляла Правый фланг Кавказской линии.

Кубанская линия простиралась от границ Черноморья вверх по Кубани, до укрепления Каменный мост, находившегося в тесном ущелье, образуемом Кубанью в горах. Линия эта была заселена и охранялась казачьими полками: Кавказским (участок Усть-Лабинский), Кубанским (участок Прочно-Окопский), Ставропольским (участок Ставропольский) и Хоперским (участок Баталпашинский). Укрепление Каменный мост составляло крайний пункт Кубанской линии и всего Правого фланга. Далее верховья Кубани занимало племя карачаевцев, покорность которых была весьма важна для преграждения сообщения закубанским племенам с Кабардою и вообще с народами Центра и Левого фланга Кавказской линии. Карачаевцы бдительно стерегли находившиеся выше Каменного моста тропинки, ведущие через Кубань.

Лабинская линия по реке Лабе составляла довольно надежное прикрытые всему кордону, хотя в некоторых местах леса благоприятствовали приближению неприятельских партий. Зато все пространство между Кубанью и Лабою и подножиями Черных гор представляло обширную, открытую, степную равнину, большею частью безводную, орошаемую только двумя небольшими речками — Чемлыком и Урупом. Лабинская линия левым своим флангом упиралась в самые горы. Между Кубанью и Лабой хребет Черных гор чрезвычайно крут; хребет этот прорывается тремя ущельями больших рек: Урупа, Большого и Малого Зеленчука. В этом районе кроме казаков жили полупокорные племена: беглые кабардинцы и башильбаевцы, занимавшие долины Большого и Малого Зеленчука, бесленевцы, махашевцы, темиргоевцы, ехерухаевцы, хатукайцы,

бжедуги, населявшие всю плоскость и подножья Черных гор за рекою Белою.

Чтобы держать в повиновении племена, обитавшие за Лабою, возведено было на нижней части реки Белой передовое укрепление Белореченское, главное назначение которого было служить опорным пунктом для наступательных действий против непокорных племен, обитавших за рекою Белою, и преимущественно против абадзехов.

Во всех станицах казаков были устроены плетневые валы, обложенные колючкой; большая часть станиц имела на вооружении свои пушки. Промежутки между станицами состояли из постов и пикетов. Посты находились обыкновенно в расстоянии шести верст и состояли из землянки, сарая, ограды со рвом и вышки. На этих постах постоянно несли кордонную службу казаки, из которых часть всегда находилась в готовности сесть на коней и скакать на место тревоги; но чтобы своевременно давать знать постам о появлении или прорыве партии горцев, на возвышенных местах располагались днем пикеты из 2—3 казаков, а ночью секреты. Чтобы подавать сигнал в случае тревоги, на постах и пикетах были устроены маяки из пучков соломы или боченков со смолою. Это было нечто вроде беспроволочного телеграфа. В случае опасности пакли с соломой зажигались, и по всей Линии узнавали о прорыве горцев. Перестрелка, завязавшаяся на каком-либо пикете, призвала на помощь казаков с ближайших постов. В случае нужды спешили к месту тревоги и резервы, расположенные в станицах, а иногда и регулярные войска, квартировавшие на линиях.

Важнейшие условия безопасности линии заключались в постоянной бдительности казаков на кордоне, в постоянной готовности резервов сесть на коней и в самом навыке казаков к этому роду службы. Казак должен иметь особую сноровку, которая не иначе приобретала, как долговременною опытностью при постоянном соседстве с неприятелем. Казаки на пикетах и секретах должны были быть чрезвычайно зорки, сохранять присутствие духа; они должны были знать, куда с постов им спешить на помощь, не дав себя обмануть ложными тревогами; должны были уметь отыскивать след (сакму) неприятеля и потерять его; иногда надобно было гнаться по этому следу вдогонку, иногда

выгоднее скакать наперерез, наконец, иногда лучше стать на каких-либо пунктах и ожидать неприятеля при отступлении, когда он возвращался с награбленною добычею и пленными. Для всего этого нужна была не только распорядительность начальников частей кордона, но и от каждого урядника, от каждого казака требовалась личная храбрость, находчивость и сноровка. Следовательно, кордонная служба представляла чрезвычайные трудности.

Враждебные предприятия горцев бывали различных родов: иногда они делали набеги только для грабежа; иногда, напротив того, собирались в значительных силах для какого-либо важного покушения, как правило, чтобы вырезать пост, захватить транспорт (оказию), даже напасть на станицу или укрепление. Против набегов достаточно было одной бдительности на постах и пикетах, но против покушений в больших силах не было возможности иметь всегда на всем протяжении линии достаточно войск, чтобы защитить каждый пункт от смелых предприятий горцев, собиравшихся иногда в числе нескольких тысяч коней. Принимались соответствующие меры предосторожности. Меры эти сообразовывались не только с положением пунктов и степенью угрожающей им опасности, но и с времен года, с положением дел в целом крае. Некоторые части Линии в летнее время были обеспечены половодьем в реках и более подвержены опасности зимою, другие, наоборот. В первом случае располагали в станицах на зимнее время регулярные войска, а летом выводили их для действий впереди Линии, во втором случае летом отряды или подвижные колонны собирались на выгоднейших местах, откуда представлялась возможность поспеть ко всем частям прикрываемого ими участка. Кроме того, действительная мера заключалась в содержании лазутчиков, как в самих аулах враждебных горцев, так и среди живущих мирных горцев.

Для утверждения же власти среди непокорных племен предпринимались более или менее важные экспедиции отрядами всех родов оружия.

Независимо от вышеперечисленных племен, на Западном Кавказе, именно по восточному побережью Черного моря, с древнейших времен были отдельные владения: Мингрелия, Имеретия, Гурия, Сванетия, Абхазия, Самурзакан, Цебельда, Дал и другие. Распростра-

нение русской власти в этих владениях не входило в задачу настоящего исторического очерка, потому укажем только, что Мингрелия добровольно поступила в подданство России в 1803 году; Имеретия — в 1804 году; Абхазия с Самурзаканью в 1811 году; Сванетия — в 1837 году; в том году покорена Цебельда.

Веденные Россией войны с Турцией всегда отражались на жизни грузинских и мусульманских племен этих владений. Турки настойчиво и систематически стремились утвердить свое влияние по всему европейскому берегу Черного моря; но так как это касалось насущных интересов России, то неизбежны были столкновения, разрешение которых кончались войнами России с Турцией.

В турецкую войну 1807 года эскадра контр-адмирала Пустошкина с десантным отрядом 4-го Морского полка со стороны моря, а отряд г.-м Гангеблова со стороны Черноморин подошли к крепости Анапы. На требование сдать крепость, турецкий паша ответил отказом. Началась бомбардировка, и 29 апреля действием огня с эскадры все здания, числом до полуторы тысячи, были превращены в пепел. Турецкий гарнизон и все жители частью погибли в страшном пожаре, а частью с самим пашою бежали в горы «под защитой черкесской конницы». В течение целой недели эскадра Пустошкина оставалась на Анапском рейде, нагружая корабли многочисленными трофеями и отражая скопища черкесов, ежедневно покушавшихся нападать на наш десант. Эскадра, окончив возложенное на нее поручение, при попутном ветре подняла паруса и 12 мая прибыла на Севастопольский рейд.

Пользуясь этим, а также возвращением отряда Гангеблова обратно в границы Черноморин, турецкий паша возвратился в Анапу, а Закубанские горцы снова начали нападать на Черноморскую кордонную линию.

В 1809 году война с Турцией возобновилась. Главнокомандующий маркиз де Траверсе снова послал в Анапе эскадру из пяти судов, под начальством капитан-лейтенанта Перхурова с десантом из 4-го Морского полка, Владимирского гарнизонного батальона и временно-го флотского батальона. Для содействия десанту из Тамани через Бугаз к Анапе был послан отряд из 2-х батальонов пехоты и 300 Черноморских казаков, под начальством генерал-майора Панчулидзева. Одновре-

менно с ним по берегу лимана должна была содействовать казацкая флотилия есаула Борзикова. Самому тогдашнему атаману Бурсаку маркиз де-Траверсе предписал вторгнуться в Закубанье со всеми силами Черноморского войска.

15 июня эскадра Перхурова подошла к Анапе, и в тот же день высаженный десант вытеснил из Анапы черкес. Генерал Панчулидзева прибыл к крепости 18-го числа и присоединил к отряду Владимирский гарнизонный батальон; остальные войска были 19-го посажены на суда эскадры, которые возвратились обратно.

Оставшись начальником гарнизона в Анапе, Панчулидзе послал по дороге в Суджук-кале особый отряд полковника Золотницкого с тем, чтобы наказать натахайдцев. Золотницкий разгромил их и разорил до 40 селений; но на обратном пути он был атакован 12-ти тысячным скопищем, под предводительством самого анапского паша. Целый день кипел неравный бой, в котором войска наши оказывали примерную храбрость. Узнав о тяжелом положении Золотницкого, Панчулидзе послал к нему на помощь со всеми остальными войсками; но прежде, чем он успел подойти, Золотницкий наголову разбил черкесов.

Такой же участи подверглись и шапсуги. 18-го июня атаман Бурсак с 5-тысячным отрядом Черноморских казаков и батальоном 22-го егерского полка перешел Кубань и двинулся за реку Псекупс, в течение 5-ти дней уничтожив 18 шапсугских аулов.

В 1812 году, по заключении с турками Бухарестского мира, Анапа вновь была возвращена Турции.

Для Турции она послужила по-прежнему центром для распространения своего влияния на закубанские племена и для торговли. Черкесы здесь получали все необходимое, а главным образом оружие и огнестрельные припасы. Вот почему, когда в 1828 году вновь возникла турецкая война, Император Николай I приказал военные действия начать именно с Анапы, «дабы падение его послужило одним из первых чувствительных ударов, нанесенных Порту».

Эскадра* под начальством вице-адмирала Грейга

* В составе десанта находились 13 и 14 егерские полки; а в отряде флигель-адъютанта Перовского: №№ 8 и 9 конные, 5 и 8 пехотные полки Черноморского казачьего войска с конною батареей, 6 рот Таманского гарнизонного полка, рота Нашебургского полка и 4 орудия.

вышла из Севастополя 21-го апреля и появилась у Анапы 2-го мая. Сухопутный отряд полковника Перовского подошел на следующий день. Адмирал Грейг отправил парламентаря с требованием сдать крепость. Паша отказался. «Вы предлагаете мне невозможное, — сказал он посланному офицеру, — начальник ваш исполняет то, что велел ему его Государь, а я не изменю своему. Судьба должна решить, кому владеть Анапой».

Был назначен штурм. 6-го мая утром высадился десант под командою начальника морского штаба г.-ад. Меньшикова, который соединился с отрядом Перовского. Меньшиков принял начальство над всеми войсками. В течение мая и июня войска вели осаду войну — строили подступы, батареи, а с эскадры усиленно бомбардировали крепость. Приходилось часто сталкиваться и с натухайцами, которые беспрестанно нападали на отряды. 10-го июня был назначен штурм, но комендант крепости Чатыр-Осман-оглы вступил в переговоры, и 12 числа войска заняли крепостные бастионы. На одном из них взвился флаг начальника морского штаба впервые после его учреждения. Флот салютовал ему со всех кораблей. Крепость отвечала громом турецких орудий. Памятником этих событий ныне служит в Анапе каменная православная церковь, обращенная в храм из турецкой мечети, поврежденной русскими ядрами.

Трофеями победы были: 4000 пленных, 29 знамен и 85 орудий (флаг крепости Анапы ныне находится в Храме славы). В числе пленных был известный впоследствии Сефер-бей, шапсуг по рождению, судьба которого была полна превратностей. Другой, из числа взятых в плен, был знаменитый своею романтическою судьбою Амалат-бек, жизнь которого послужила Марлинскому сюжетом для его повести того же названия.

По Адрианопольскому тракту 2-го сентября 1829 года Россия получила Ахалцихский пашалык, крепости Поты и Анапу, весь Закубанский край и побережье Черного моря. Адрианопольский договор должен был положить конец турецкому вмешательству в дела населения западной части Кавказа, а России предоставить сделаться полной распорядительницей на Западном Кавказе.

Само собою разумеется, что этого нельзя было до-

стигнуть сразу: Турция не захотела примириться с лишением его прежней роли влиять на черкесские племена, а сами черкесы Закубанского края и Черноморского побережья, в сущности, никогда не признавали себя подвластными султана, и поэтому набеги их по-прежнему продолжались, и по-прежнему наши Черноморские и Линейные казаки должны были с ними вести борьбу. Как казаки, так и черкесы в этой постоянно тревожной, боевой жизни выдвинули многих героев, память о которых до сих пор живет среди них.

Вот один из подвигов линейных казаков во главе с сотником Гречишкиным. С разъездом из 62 казаков станиц Тифлисской и Казанской 15-го сентября 1829 года он выступил к Песчаному броду, чтобы разведать о движении знаменитого Джембулата, который хотел прорваться в станицы Кавказского полка. Казаки уже проехали половину пути, как один из патрулей дал знать, что попал на свежие следы прошедшей пехоты и конницы. Действительно, казаки увидели широкие борозды, шедшие со стороны Псинафского укрепления и затем круто повернувшие к Кубани.

— «Это не его сакма, заметил один из казаков; тут вот от орудиев какая колея пошла: должно быть, тут наши были, и были сегодня — след совсем свежий».

— «Известно, это наши, отозвались несколько голосов: у него орудиев таких нет; опять же и то: татарва нешто так ходит? Глянька, ведь словно шнуром отбил. Беспременно, солдаты тут были».

Если партия прошла уже за Кубань, — рассудил Гречишкин, — то мы только потеряем время, гоняясь за нею в этой стороне... А, впрочем, — добавил он, — командир приказал непременно дойти до Песчаного брода, значит, и надо дойти до него. А там, если их нет, то приударим коней и летом нагоним колонну.

Разъезд двинулся дальше, но не прошел он и несколько верст, как показался казак Анисим Собельников, бывший в передовом патруле; он скакал во все повода и махал папахой, а за ним на плечах неслось десятка два всадников. Не успели казаки выхватить из чехлов винтовки, как со всех сторон из оврагов Песчаного брода вдруг показались массы черкесской конницы, и Гречишкин узнал значок Джембулата. Теперь уклониться от боя было уже нельзя. Гречишкин приказал казаку Ивану Костову скакать в Казанскую ста-

ницу, чтобы спешиться, и шаг за шагом, отстреливаясь, начал отходить. Более часа шла перестрелка; оказалось много убитых и раненых.

Видя, что отступать дальше нельзя, Гречишкин остановился. ...Станичники! — сказал он, — команда наша не велика, но надо помнить присягу и драться до последнего. Уж если суждено нам сегодня погибнуть, то надо погибнуть так, чтобы и в приказе об нас упомянули и в родных станицах заговорили». Он приказал заколоть всех лошадей и сложить из них бруствер (такого «укрепления», кажется, до него еще никто не строил). В это время от толпы черкес отделились два всадника и, махая белыми платками, подъехали к конскому «укреплению». В одном из них Гречишкин узнал Джембулата, в другом — любимого узденя его Хануша.

— Кто у казаков старший? — спросил Джембулат.

Гречишкин назвал свою фамилию и вышел из «редута».

Джембулат вздрогнул и что-то тихо проговорил.

— «Говори громко, — ответил Гречишкин, — так, чтобы слышали казаки».

Казаки, в большинстве понимавшие по-черкесски, насторожили уши. Все они знали, что Джембулат и Гречишкин приятели.

— Не здесь бы нам встретиться с тобою, Андрей, — проговорил Джембулат.

— Не мы, а Бог устраивает встречи, — ответил Гречишкин.

— Да, но будь на моем месте другой, ни один из вас не ушел бы отсюда живым.

— Мы и теперь не уйдем, — спокойно возразил Гречишкин.

— Подумай, Андрей! Вас горсть, а у меня пятьсот человек. Кто может упрекнуть, если вы сдадитесь. Ты будешь не пленником, а моим кунаком; о казаках я тоже позабочусь — волос не упадет с их головы.

— Меня удивляет твое предложение, — прервал его Гречишкин: ты знаешь, что ни я, ни мои казаки живыми не отдадим оружия. Ты делай свое дело, а мы будем делать свое. Пусть совершится то, что предназначено каждому.

Джембулат увидел, что переговоры не поведут ни к

чему, и, поворотив коня, поехал к своим; но он все еще надеялся спасти Гречишкина.

— Казаков мало, — сказал он собравшимся к нему старшинам, — и славы истреблением этой кучки мы не добудем. Они решились умереть, а потому потеря с нашей стороны будет большая, добыча малая. Ввяжемся в дело — упустим время идти за Кубань. Решайте, что надо делать?

— Ты спрашиваешь, что нужно делать? — сказал ему один из старейших князей: когда кошка увидит мышь, она не спрашивает, что надо делать? Кровь требует крови. Да и не для одной добычи пустились мы в набег. Надо дать молодежи случай узнать: метки ли у них шашки и умеют ли они владеть ими?

— Никогда не слышал, — возразил ему другой князь, — чтобы волк, держа зайца в зубах, отпустил его живого. Если будем медлить — подоспеет помощь. И что скажем мы в аулах, когда вернемся с пустыми руками? На Кубани теперь идет уже тревога, а наш набег все равно не удастся. Делай, князь, как сам знаешь.

Что было отвечать Джембулату? Он отъехал в сторону и приказал готовиться к бою.

Видя, что скоро начнется атака, Гречишкин со своей стороны еще раз обратился к казакам со словами «Если к нам не придут на помощь, это будет уже не наша вина. Мы сделали все, что могли, и остается сделать немного — только умереть». Но казаки и сами знали, что надо делать дальше. Первые две конные атаки отбиты были ими с большим уроном для горцев. Черкесы бросались отчаянно, пренебрегая смертью; но кони не шли на страшный, залитый кровью, барьер: конские трупы пугали их, и они, не решаясь перешагнуть через них, фыркали, вставали на дыбы, металась в стороны и только подставляли своих всадников под пули казаков.

Готовилась третья атака, когда Гречишкин, обернувшись назад, увидел, что через Терс-Зеленчук, высоко держа над головами ружья, переправлялась неприятельская пехота. Это были спешенные черкесы, отправленные Джембулатом в тыл казакам. Одновременно началась третья атака, произведенная уже самим Джембулатом. До этих пор он держался в стороне, но ропот, начавшийся среди горцев, не узнававших своего отважного предводителя, заставил его, наконец, принять уча-

стие в атаке; он выхватил шашку и бросился вперед с таким ожесточением, что первый перескочил завал и очутился в середине «редута», за ним ворвалось дватри десятка горцев. В эту минуту выстрел в упор свалил Джембулата с коня; пуля раздробила ему плечо, и шашка выпала из онемевшей руки его. Несколько человек быстро подхватили раненого своего предводителя и вывели его из редута; другие толпой набросились на Гречишкина и изрубили его в куски; затем были перебиты все казаки. Но победа черкесам обошлась не дешево — они имели еще большие потери и, отказавшись от нападения на Линию, потянулись обратно к Лабе.

Через дол час берега реки опустели, и кругом водворилась опять тишина. Мертвецы лежали спокойно и ждали уже не суетной помощи, а честного погребения. Они погибли все, но своею кровью искупили спокойствие Линии и оградили безопасность своих станиц; это был подвиг высокого самоотвержения, и имя Гречишкина останется навсегда в памяти казаков.

Штабс-капитан Кавказской гр. артил. бригады Новицкий и путешествие его в земли черкесских племен. Бесленей Аббат. Занятие мыса Адлера в 1837 г.

По мнению графа Паскевича Кавказ возможно было покорить в короткий срок, но покорение это надобно было начать с западной части, чтобы отнять у горцев прежде всего возможность сношений с Турцией. «Для этого, — говорил фельдмаршал, — нужно было только провести укрепленную линию с Кубани прямо на Геленджик, поставить на берегу Черного моря несколько укреплений, а затем, когда все это будет готово, направить со стороны Геленджикской линии на запад десять малых отрядов, чтобы вытеснить горцев к морю и там угрожать им истреблением, если не подчинятся русской власти».

Прежде чем выполнить этот план, необходимо было иметь сведения о тех местах, куда предполагалось направить военные действия, нужно было исследовать пути, ведущие к непокорным племенам, а это представляло величайшие затруднения. Среди Кавказских войск нашлись, однако, смелые и предприимчивые офицеры, которые предложили графу Паскевичу проникнуть к горцам, чтобы доставить полное описание как их стра-

ны, так и внутренней жизни. Эти офицеры были: генерального штаба Искрицкий, Зубов и Баргеньев и Кавказской гренадерской артиллерийской бригады штабс-капитан Новицкий*).

Раннею весною 1830 года Новицкий прибыл в Анапу, но составленное им описание Закубанских дорог и перевалов через горы от Кубани к Черному морю сделано по распросам и, конечно, нельзя было поручиться за достоверность этих сведений. «Между тем, — говорил Новицкий, — я считал долгом во что бы то ни стало доставить правительству верные сведения, на которых можно было бы основать военные операции. Но как проникнуть в землю непокорных горцев, куда не только русские, но даже иностранные путешественники, находившиеся под покровительством Турции, не осмеливались заглядывать без риска быть убитыми или захваченными в плен делается безправными вековыми рабами».

Действительно, Новицкому предстояла трудная задача, но он был не из тех людей, которые останавливаются перед препятствием. Он решился проникнуть в горы и никому не открывая своих намерений, написал письмо графу Паскевичу; он просил разрешения, переодевшись, посетить горские земли, чтобы все видеть и во всем удостовериться. Паскевич был изумлен смелостью молодого офицера и тотчас же отправил ему тысячу рублей и несколько ценных вещей для подарков.

Новицкий начал спрашивать мирных черкесов о том, кто в Шапсугии такие влиятельные лица, которые могли бы принять его у себя, как частного путешественника. Ему указали на двух братьев Аббатов, Бесленей и Убыха. То были знаменитые наездники, гроза Кубанской линии, пользовавшиеся громадной известностью среди мирных и немирных черкесов. «Могу ли я увидеть этих удалцов», — спросил Новицкий одного из своих собеседников. «Не знаю, — отвечал тот, — но могу попытаться пригласить их на свидание с тобой, но так как голова Аббатов оценена вашим начальством, то не ручаюсь, чтобы они решились приехать в крепость; впрочем, попробую и дам тебе знать».

Прошло несколько дней и Новицкого уведомили, что

* Уже в управление Кавказом барона Розена замечательное описание Закубанских племен сделал барон Торнау, а Кавказского хребта через Сванетию в большую Кабарду генерального штаба капитан князь Шаховский. Сванетию впоследствии описал штабс-капитан Черноморского линейного № 9 батальона Лисовский.

Аббаты приехали и ожидают в двух верстах от Анапы, но если он желает их видеть, то должен приехать один, без конвоя. Новицкий переоделся в штатское платье и отправился на свидание только с переводчиком. Отъехав версты две от Анапы, он увидел кучу людей, впереди которой двое лежали на бурках; при его приближении оба они встали и вместе с тем поднялись скрытые в перелегка до пятисот вооруженных черкесов. — «Аллах посылает нам клад, — сказал Бесленей, — и мы, ничем не рискуя, получим за него хороший выкуп».

Не смущаясь таким загадочным приветствием, Новицкий соскочил с коня и, смело подойдя к Бесленею, подал ему руку. — «Я свободный путешественник, — сказал он, — без роду и племени и ничего не имею для своего выкупа. Странствуя по разным местам из одного любопытства, я только хотел познакомиться с храбрыми черкесами и видеть их лучших прославленных вождей». — Бесленей улыбнулся, приказал разостлать бурку и, пригласив Новицкого, присесть вместе с ним и братом, охотно отвечал на все его расспросы. Когда беседа кончилась и Новицкий встал, чтобы возвратиться в крепость, Бесленей взял его за руку и сказал: «Благодарю тебя за доверие; ты поверил моему слову и приехал один; такой поступок мы ценим высоко». Прощаясь, Новицкий просил в знак дружбы и куначества принять золотые часы с азиатским циферблатом и просил разрешения прислать в подарок вещи, нужные для женской половины.

Смелость Новицкого, спокойный тон и безграничное любопытство, высказанное им в расспросах, убедили Бесленея, что перед ним действительно простой путешественник, не имеющий никаких отношений к политическим целям. Новицкий сдержал свое слово и, отправляя подарки его семье, был убежден, что дождетя того момента, когда и сам Бесленей пожелает ему услужить. На это обстоятельство, зная черкесские нравы, он и возложил свои надежды.

В мае месяце состоялось вторичное свидание, и Бесленей, горячо поблагодарив за подарки его женам, сказал: «Ты непонятный для меня человек, но в высшей степени внимательный и добрый. Обычай гостеприимства мы ценим свято и, соблюдая его, я спрашиваю: чем могу служить тебе лично? Новицкий тотчас воспользовался этой минутой и ответил: «Я в восторге от твоих расска-

зов об адыге и абадзе; доставь мне удовольствие видеть их патриархальный быт, посетив их жилища, познакомиться с их обычаями». Новицкий с трепетом ожидал ответа. Казалось, Бесленей только теперь догадался с кем имеет дело; но отступить было поздно: слово дано, а Бесленей еще ни разу не изменял ему. «Вижу, что я, старый дурак, обманут тобою», — сказал он сурово, — ты русский офицер, и, следовательно, лазутчик, но делать нечего — я дал слово и сдержу его; мой брат Убых будет твоим проводником; но знаешь ли ты во что обойдется мне твое путешествие? Самое меньшее — жизнь; да при том, Боже сохрани, если нас узнают, тебя живого разорвут на куски. Впрочем, об этом говорить нечего; я повторяю, что дал слово и свято исполняю его.

Затем они условились о времени выезда, назначив местом нового свидания Бугасский карантин, менее доступный наблюдению горцев. Новицкий распустил слух, что едет в Екатеринодар. В назначенный день Новицкий под предлогом прокатиться по Кубанскому лиману, выехал из Бугаса на лодке в сопровождении одного только переводчика. Послышался условный сигнал, и Новицкий причалил к берегу, где его встретил Убых со своими оруженосцами.

Теперь скажем несколько слов о том, кто же были эти Аббаты, вызвавшие служить проводниками, рисковавшие своими головами в той же мере, как и сам Новицкий.

Фамилия Аббатов была одною из древнейших фамилий Шапсугии, и предки их когда-то считались предводителями шапсугского племени. Отец их в свое время пользовался большим уважением в народе; дети с раннего возраста отданы были на воспитание, по обычаям горцев, в чужие аулы: один к бесленеевцам, другой — к убыхам; потому они и были названы по именам воспитавшего их племени — Бесленей Аббатом и Убых Аббатом. Последний заимствовал все характерные черты убыхского народа — суровость и храбрость до дерзости; но он не отличался особенною дальновидностью и не был способен к роли самостоятельного деятеля; но он прославился как один из лучших наездников Закубанья. Напротив того, старший брат его Бесленей в детстве получил неопределимую страсть к общественным делам, славу красноречивого оратора «языка народа». И, действительно, необычайным даром слова он был способен увлекать за собою народ; но вместе с тем он был одним

из самых отважных предводителей и решался на такие предприятия, какие другим были не под силу. Имя его хорошо было известно на Кубанской линии, и этот огонь наезднической отваги не угасал в нем до самой старости. Боевые подвиги его доставляли ему дружеские связи с лучшими людьми Черкессии, в числе которых первое место занимал тогда темиргоевский вождь знаменитый Джембулат Балатоков.

Под охраной Бесленей и Убыха Новицкий пустился в далекий путь, требовавший от него незаурядной решимости, находчивости и твердости духа: на каждом шагу сторожила его смерть или мучительный плен. Бесленей сам не сопровождал Новицкого, но со своими уздеями следовал все время параллельно его пути и знал всегда, когда и где ночует Новицкий, чтобы в случае какой-нибудь опасности явиться к нему на помощь. При таких условиях Новицкий с успехом выполнил свою задачу и, возвратившись под тою же охраною Аббатов, представил подробное донесение.

Слух о проезде русского офицера через земли Закубанских народов быстро облетел все горы, и встревоженные горцы обратили весь свой гнев на братьев Аббатов. Когда они возвратились в свой аул, то толпы горцев устремились к их жилищу, угрожая им смертью. Бесленей с обычным ему красноречием начал говорить с толпой; но народные старшины, ненавидевшие Бесленей, поджигали буйство толпы и не шли ни на какие условия. Обвиняя обоих Аббатов в явном преступлении против Шапсугского племени, они требовали, чтобы оба явились к духовному суду. Бесленей заявил, что он отказывается явиться на суд личных его врагов. Народ угрожал ворваться в жилище Аббатов; но братья решились дорого продать свои жизни, а люди преданные им и находившиеся с ними изъявили полную готовность разделить с ними их жребий. Переговоры затем длились несколько дней и Аббаты, склонившись на советы друзей, ночью убежали за Кубань, покинув в ауле свои семейства, и это была большая ошибка, послужившая причиной всех дальнейших бедствий их.

С исчезновением Аббатов гнев шапсугов обратился на их семьи: они разграбили имение, а жен и детей забрали в плен; жены подверглись насилию. Враги Бесленей торжествовали: он жив, а женою его владеет ненавидимый ему человек. Даже шапсугские старшины,

узнав об этом, съехались для обсуждения о случившемся до тех пор неслыханном в их земле происшествии. Они возвратили жену Бесленей из плена, отдали ее под охрану надежного человека и обеспечили ее участь.

Пораженный своим несчастьем, Бесленей выехал в пределы Шапсугии в сопровождении только одного верного человека и после долгих превратностей ему удалось освободиться от шаложженных врагами оков и вместе с женой найти спасение в русских пределах.

В 1834 году были присланы в первый раз малолетние горцы для воспитания в кадетских корпусах. Вместе с детьми приехали в столицу и почетные старшины различных племен, в том числе был и Аббат.

«Я ожидал — говорит в своих воспоминаниях флигель-адъютант Хан-Гирей, — в Бесленее, которого мы привыкли с детства соединять тревоги и истребления, видеть человека раздраженного до крайности, готового как разъяренный тигр разрушить родную берлогу. Каково же было удивление, когда я нашел в нем человека, который забыл личные свои отношения, рассуждал только о благе своей родины в соединении ее с Россией».

Бесленей был представлен Императору Николаю I и обласкан им. При смотре достопримечательностей столицы особенно поразила его портретная галерея Зимнего Дворца. «Как это хорошо, — сказал он, — конечно, многих из них уже нет в живых, другие устарели, но дети умерших когда бываю здесь, с удовольствием смотрят на своих отцов и это придает их чувствам более духа, а старики утешаются воспоминаниями о славных делах, которых они были свидетелями и участниками». Вернувшись в Черноморье, Бесленей окончил свою бурную жизнь в 1837 году.

По Адрианопольскому мирному договору весь восточный берег Черного моря, от Кубани до укрепления Св. Николая, со всеми бывшими на нем турецкими укреплениями и обитавшими горскими племенами был уступлен Турцией во владение России. Однако торговые выгоды заставили горцев поддерживать прежние сношения с турками, несмотря на крейсерство русского флота. Дело в том, что наши большие корабли не могли подходить близко к берегу, тогда как мелкие турецкие кочерымы, вооруженные иногда одною или двумя пушками, быстро и смело прорывались с берегу; здесь они и выходили к устью рек, иногда вытаскивались на самый

берег, и там производилась мена, выгрузка товаров.

Черкесы постоянно имели своих агентов в Константинополе и Трапезунде. Сношения эти были тем невыгоднее для нас, что англичане и турки доставляли горцам оружие, порох и другие боевые припасы.

Вмешательство англичан в дела горских племен началось почти непосредственно после заключения Адрианопольского договора. Сперва они ограничивались одними советами и внушениями, имевшими целью поколебать в мнении горцев достоверность статей договора. Черкесский житель Сефербей Зано был главным посредником между английским посольством в Константинополе и прибрежными племенами. Скоро к прежним внушениям присоединились угрозы о необходимости общего восстания против России и распространение слухов о скором прибытии турецких войск и о возвращении им обратно всего побережья. Турецкие же муллы убеждали черкесов открыть священную войну по примеру лезгин Дагестана и чеченцев.

В 1834 году сотрудник одной лондонской газеты Лонгворт под видом путешественника высадился в одном из пунктов побережья, где торжественно был принят громадным сборищем черкес. В 1836 году крейсерами нашими была захвачена английская купеческая шхуна, намеревшаяся доставить черкесам транспорт боевых снарядов и других припасов. В 1837 году получено было известие, что владелец этой шхуны Белль вместе с Лонгвортом прибыли к черкесским берегам, проникли к шапсугам и натухайцам в то время, когда племена эти отправляли в Константинополь доверенных лиц с целью узнать: должны ли черкесы ожидать обещанной им помощи или нет. Белль остановил посылку депутации, убеждая, что помощь непременно будет оказана. Благодаря этим внушениям, черкесы отправили к генералу Вельяминову депутацию с требованием прекратить военные действия, вывести войска из черкесских земель и разрушить возведенные от Ольгинского тете-де-пона до Геленджика укрепления. При таких условиях они со своей стороны обязывались прекратить свои набеги на линии. Вельяминов не мог убедить, что черкесы обмануты; он воспользовался, однако, этим случаем и вручил депутации воззвание, в котором именем Государя черкесы приглашались к добровольному изъявлению покорности;

вместе с тем горцам предлагалась за поимку Белля награда в три тысячи рублей.

Такая же депутация явилась к генералу Малиновскому, двигавшемуся с отрядом от Ольгинского тете-де-пона к Абиноу. Малиновский старался указать все выгоды мирной жизни и убеждал их покориться.

— Вы хорошо знаете, — говорил он, — что по Адрианопольскому миру султан, ваш падишах, уступил на вечные времена России всех вас и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая и до границ Грузии, Имеретии и Гурии.

Один из черкесов, почти дряхлый старик, выслушав слова Малиновского, ответил:

— Ты хороший генерал! И, указывая на птицу, сидевшую в это время на дереве, прибавил — за твое доброе слово я дарю тебе эту птицу на вечные времена, возьми ее!

Приложив правую руку к груди, он кивнул головою, вскочил на лошадь и поехал большой рысью; за ним последовали и его товарищи.

Результатом всех стараний английских и турецких агентов было то, что прибрежные черкесы соединились с племенами, жившими против Правого фланга, и решились общими усилиями оказывать нам сопротивление, утвердиться на восточном берегу Черного моря и, действительно, войскам непрерывно приходилось отражать внезапные набеги горцев.

Вот один из выдающихся случаев черкесского удалства и столь же смелого подвига линейного казака.

В 1836 году около Геленджика отважные наездники-черкесы переплывали быструю речку Доб, чтобы и себя показать и высмотреть расположение линейных казаков. Один из этих храбрецов смелее других носился перед нашим лагерем, подсакивал близко к Линейцам, выхватывал из-за плеч винтовку и метким выстрелом каждый раз сваливал кого-нибудь в цепи. Казаки рассердились не на шутку.

— Что он, бисов черт, гарцует. Свалим его, братцы, с коня, — говорили обиженные казаки, поглядывая на своего офицера.

Офицер молчал, ожидая особого приказания от начальника, чтобы ударить на всю партию. В это время опять показался лихой наездник, снова выстрелил из своей винтовки и снова скрылся за оврагом. Казаки

еще раз взглянули на офицера, побрякивая своими шашками. Наконец и офицер потерял терпение и сказал: «Кто из вас хочет схватиться с этим нахалом?»

— Я! — раздалось в толпе, и казак небольшого роста, с черною окладистою бородою, с маленькими глазами, в которых сверкала огонь отваги, выскочил вперед и, молодецки осадив коня, сказал: «Я знаю, ваше благородие, как добывать этих косматых чертей», — и с этими словами пустил своего коня прямо к оврагу. В это время показался и черкес. Казак полоснул своего коня ногой, пригнулся к седлу и, подняв шашку, стрелой понесся на врага. Черкес остановился, зарядил винтовку и, играя поводьями, с презрением поглядывал на казака, который несся во всю конскую прыть по поляне. Вдруг выстрел, и казак повис на седле.

— «Пропал Егорыч», послышалось в толпе. «Жаль молодца», проговорил офицер, поглядывая на Егорыча, который висел на лошади вниз головою.

Черкес подскочил к своей добыче, но в тот же момент казак вдруг встрепенулся, вскочил на седло, схватил черкеса за бороду и сильным ударом шашки свалил его с коня. Тут подоспели офицер и казаки. Егорыч хладнокровно обезоруживал черкеса, держа в поводьях обеих лошадей.

«Ты ранен?» — спросил офицер.

«Никак нет, ваше благородие, — весело ответил Егорыч, — я только потешил бусурманина, чтобы легче схватить его. В другой раз, — прибавил он, обращаясь к черкесу, который, конечно, не понимал ни одного слова по-русски, — когда придется тебе стрелять, то смотри, дуралей, куда летит пуля, а на воздух пороху не трать».

Чтобы положить конец всем невыгодным для нас сношениям горцев, было решено занять все места восточного берега Черного моря, где только могли приставать суда. С этой целью Император Николай I повелел при содействии Черноморского флота построить целый ряд укреплений, которые должны были образовать Черноморскую береговую линию. Главный начальник этой линии имел пребывание в Керчи.

В первую очередь назначено занятие мыса Адлера, под начальством корпусного командира барона Розена и генерала Симборского.

3-го июня 1837 г., под командою контр-адмирала Эсмонта, Черноморская эскадра в составе 11-ти разного ранга судов, посадив в Сухуми десантные войска, на-

правилась к мысу Адлеру, куда и прибыла 6-го числа. Десантные войска, под начальством генерала Вольховского, составляли: 8 рот Грузинского, 6 рот Тифлисского, 6 рот Мингрельского полков, рота Кавказского саперного батальона, при 16-ти орудиях и милициями от Ругийского, Имеретинского и Мингрельского народов. Между прочим, к Грузинскому полку был прикомандирован декабрист Александр Александрович Бестужев (Марлинский), один из талантливейших русских писателей, сочинениями которого о Кавказе современники зачитывались и восторгались, называя автора их Пушкиным в прозе.

Посоветовавшись с адмиралом, барон Розен отправил вдоль берега шхуну и на ней генерального штаба подполковника Нордстрема для выбора места высадки; по приближении шхуны горцы открыли ружейный огонь из завалов и окопов.

7-го числа эскадра приблизилась к берегу, построилась в боевую линию и не спустила все гребные суда. Одновременно с кораблей был открыт огонь, который разрушил неприятельские окопы и заставил горцев скрыться в лес. Генерал Вольховский, сойдя с первою частью десанта, с застрельщиками 4-го батальона Мингрельского полка и милиционерами занял опушку леса. Пользуясь чрезвычайно густым лесом, поросшим бурьяном и колючкою, горцы приблизились к нашей цепи и завязали сильную перестрелку. Вызвали охотников, и в числе первых заявил свое желание Бестужев. Начальство над охотниками принял старший адъютант корпусного штаба капитан Альбрант, который был известен кавказским войскам своею храбростью; вместе с ними находился и начальник Имеретинской милиции подполковник кн. Церетели. Охотники бросились в лес, где завязалась жаркая перестрелка. Черкесы начали отступать; охотники увлеклись преследованием, и вот перед ними неожиданно показался плетень, затем послышался лай собак, и все указывало на близость аула.

— Не зашли ли мы слишком далеко? — сказал Альбрант и просил Бестужева взять двух солдат и пройти обратно к начальнику отряда за дальнейшими приказаниями. Бестужев благополучно выполнил поручение и, получив распоряжение генерала Вольховского, возвратил охотников к отряду, начал пробираться сквозь густые заросли леса к Альбранту, но наткнулся на партию горцев и двумя пулями был ранен в ногу и голову.

Не успели сопровождавшие солдаты поднять на руки любимого офицера, как набежали черкесы и шашками изрубали всех троих.

Так погиб Бестужев. Тело его, несмотря на тщательные розыски, не было найдено*).

Между тем к Альбранту подоспели три роты Мингрельцев и они мужественно остановили горцев, бросившихся в рукопашный бой. В это время войска были подкреплены пятью ротами Тифлисского полка, которые и принудили горцев оставить лес.

По высадке остальной части десанта генерал Симборский с батальоном Грузинского полка, с горными пушками и саперною ротою был отправлен вдоль берега моря к устью р. Мзымты для занятия лагеря. При движении Грузинцев горцы начали стрелять, но несколькими картечными выстрелами из горных пушек они принуждены были скрыться. К месту лагеря прибыли и все остальные войска, и оно было назначено для устройства укрепления.

18-го июня после закладки было приступлено к постройке укрепления, названного укреплением Св. Духа. По просьбе барона Розена укрепление это в честь шефа Грузинского гренадерского полка, генерал-адмирала Великого князя Константина, названо впоследствии Константиновским. Барон Розен отправился на пароход осматривать другие места побережья, поручив отряд генералу Симборскому.

По получении донесения, Император Николай I приказал объявить всем войскам благодарность. Придавая такому благоприятному началу важное значение, военный министр граф Чернышев писал барону Розену: «заявляя с одной стороны мыса Адлера вашим высокопревосходительством, с другой реки Пшады г.-л. Вельяминовым положено начало исполнению Высочайше предначертанного плана овладения всем пространством восточного берега Черного моря, в видах пресечения иностранным агентам возможности сношения с горцами».

* На четвертый день после высадки при одном набеге на ближайший аул нашли на убитом мулле пистолет Бестужева. Затем какой-то из горцев принес в лагерь на продажу золотое кольцо, также принадлежавшее Бестужеву. Принялись за новые розыски: не остался ли он жив, и не попал ли он только в плен? Дело это поручили мирному черкесу Гассан-бею, который удостоверил о смерти и рассказал подробности, слышанные им от горцев.

Император Николай I на Кавказе в 1837 году. Боевые подвиги Эриванцев, Грузинцев, Тифлисцев, Мингрельцев, Тенгинцев, Навагинцев и Черноморского флота при занятии Сочи, Туапсе и Субаши.

Желая лично убедиться в положении дел на Кавказе, Император Николай I в 1837 году решил посетить эту окранию.

Путешествие Императора Николая Павловича по Кавказу оставило глубокий след в народной памяти. После Петра Великого это был первый Государь, посетивший Кавказ и на этот раз не со стороны Каспия, а с северо-восточного берега Черного моря, где война с черкесами была в полном разгаре.

20-го сентября Император с Наследником Цесаревичем прибыли из Севастополя на пароходе «Полярная звезда» в Геленджикскую бухту. На берегу был выстроен почетный караул. Погода была ненастная, и лесистые горы покрыты были густым туманом. Несмотря на бушевавшее море, Государь с Наследником сел на шлюпку; на руль стал граф Л. Л. Гейден (один из наварийских героев, впоследствии известный адмирал). Легкая шлюпка, заливаемая волнами, понеслась к пристани*). Государь высадился на берег, поздоровался с караулом и направился к камендантскому дому. После непродолжительного отдыха и последовавшего затем приема командующего войсками на Кавказской линии г.-л. А. А. Вельяминова и некоторых других лиц Государь отправился к г-ну Штейбену, смертельно раненному в бывшей накануне экспедиции. Выразив искреннее участие умирающему, Государь пожаловал ему 3 тысячи червонцев; затем при посещении батальонных лазаретов некоторым раненым нижним чином лично возложил георгиевские кресты.

Утром следующего дня вдруг вспыхнул пожар: загорелись интендантские бунты провиантского магазина, при чем огонь начал угрожать пороховому погребу. Государь стоял на балконе и любовался смелостью и отвагою нижних чинов, которые, ободряемые присутствием Царя и руководимые его указаниями, вытаскивали из погреба боченки с порохом и ящики с патронами. К

* Прекрасная картина «Высадка в Геленджике», написанная известным маринистом Айвазовским, находится в Кавказском Военно-Историческом Музее (Храм Славы) в Тифлисе.

11 часам пожар удалось затушить, и Государь отправился в лагерь, расположенный в двух верстах от укрепления. Подъехав к войскам, он слез с лошади и пошел по линии фронта, имея по правую руку Наследника. Порывистый ветер в это время дул с такою силою, что солдаты с трудом удерживались на ногах и ни о каком параде нельзя было и думать. Обойдя войска, Государь направился к палатке, которую едва удерживала целая сотня казаков. После завтрака Государь благодарил солдат за усердную службу, со многими офицерами вступал в разговоры, а генерала Вельяминова обнял и поцеловал. Вечером Император занимался делами, а 22-го числа простился с войсками и на лодке азовских казаков отправился на ожидавший его пароход.

23-го сентября «Полярная звезда» подошла к Анапской бухте. Утром следующего дня Император прибыл на шлюпке к пристани, где был встречен комендантом графом Цукато и направился к комендантскому дому. По принятии ординарцев и, назначив 4-х нижних чинов в гвардию, принял доклад коменданта и подробно расспрашивал о военных действиях с горцами; затем отправился пешком осматривать крепость. Начав с посещения госпиталя и крепостных стен, Государь вышел на большую площадь, где приготовлены были для смотра войска Анапского гарнизона. Войска прекрасно прошли скорым церемониальным маршем и удостоились Царской благодарности. Пожаловав ординарцам и вестовым по 5 рублей ассигнациями, Государь отправился на пароходе и проследовал в Крым, где, распрощавшись с Наследником, 25-го сентября направился на «Полярной звезде» обратно на Кавказ, в Редут-кале.

В Грузии о предполагаемом путешествии Императора говорили давно, а 18 марта военный министр граф Чернышев уведомил барона Розена, что Государь посетит Кавказ в сентябре. В Тифлисе немедленно была учреждена комиссия под председательством г.-л. Фролова с обязанности изыскать средства к безостановочному проезду Государя. Закипела горячая и спешная работа; лихорадочная суета охватила все учреждения. Сам барон Розен в первой половине сентября выехал для осмотра пунктов предположенного маршрута и прибыл в Редут-кале.

27 сентября на горизонте бушевавшего моря показалась «Полярная звезда». Пароход быстро приближался

и в виду города бросил якорь. Барон Розен стоял на берегу.

— Честь имею явиться, — произнес Государь, — вступив на берег и держа под козырек, и тут же протянул барону руку.

Свиту Государя составляли: генерал-адъютант граф Орлов, граф Адельберг, лейб-медик Аренд, флигель-адъютант подполковник Львов, прусской службы полковник Раух, три фельдъегерских офицера.

Из Редут-кале Император отправился в Зугдиди, резиденцию владельца Мингрелии, князя Левана Дадиани, затем проследовал через Кутаис, Сурам, Боржомское ущелье в Закавказский край.

13-го апреля 1838 года эскадра контр-адмирала Артюкова с десантным отрядом подошла к устью р. Сочи и первая часть десанта, посаженная на гребные суда, высадилась на берег и овладела близлежащими высотами. Горцы, скрывавшиеся в ущелье, начали показываться на противоположной высоте. 3-я карабинерная рота Мингрельского полка успела внести на гору одно горное орудие; 7-я и 8-я роты, составляя переднюю цепь, соединились с 3-ю ротою и, подкрепленные Имеретинской и Гурийской милициями, под начальством Нижегородского драгунского полка капитана Плац-бек-Кокума вели горячую перестрелку с черкесами.

Видя опасное положение пехоты, генерал Симборский подкрепил ее еще двумя ротами Мингрельцев и артиллерией. Мингрельцы прочно утвердились на горе и заняли деревню Сочи. Прибывшие затем две роты Эриванского полка и два легких орудия 3-й легкой батареи окончательно упрочили за нами гору, и неприятель был отброшен.

На другой день вершины ближайших гор были усеяны толпами пеших и конных горцев. Оказалось, что у Сочи была только одна половина убухов, другая же ожидала высадку около Мамая. Перестрелки продолжались и в следующие дни. 17 числа прибыл в лагерь князь Керендук-Берзек, племянник известного Хаджи-Берзека. Керендук был прислан просить убрать тела убитых, на что и получил разрешение; он подтвердил, что убухи собираются со всех сторон и что назначено совещание для решения вопроса бороться с ними соединенными силами, хотя лично Керендук заявил, что с семейством и родными он собирается в Абхазию, к

своему свойственнику, князю Михаилу. Генерал Симборский предложил Берзеку взять и прочитать воззвание, в котором указывались условия, на каких убыхи могли бы подчиниться русской власти, Берзек согласился.

Между тем войска подготавливали материал для постройки укрепления и 21 числа последовала закладка укрепления, названного Александрией, а затем самая постройка производилась Кавказским саперным батальоном под руководством капитана Гернета.

9-го мая, когда работы уже близились к концу, по лагерю с близлежащей возвышенности раздался пушечный выстрел и шестифунтовое ядро почти догело до устраиваемого люнета. Наши артиллеристы открыли из 6-ти орудий огонь. Горцы не отвечали в продолжение двух часов, а затем с горы, стоявшей за пол-версты, начали стрелять снарядами разной величины.

С рассветом следующего дня было решено отнять у неприятеля орудие. Это было блестяще выполнено подполковником Тифлисского егерского полка Радкевичем. С егерской ротой Тифлисцев, двумя ротами Эриванского полка, двумя горными единорогами и сотней милиции Радкевич быстро двинулся на гору, с которой перед тем горцы стреляли из орудия; но пушку свою черкесы уже увезли на одну версту, что было заметно по свежим следам колес.

В то время, когда Радкевич занял гору, генерал Симборский послал майора Эгадзе с двумя ротами Эриванского полка, двумя горными единорогами и сотней милиционеров на подкрепление, а две роты Мингрельцев также с двумя горными орудиями и сотней милиционеров на соседнюю высоту для наблюдения за неприятелем и оказания в случае надобности помощи егерям и карабинерам.

Подполковник Радкевич, усиленный подошедшим к нему подкреплением, бросился по следам, куда было увезено орудие, и несмотря на убийственный огонь горцев, стекавшихся во множестве со всех сторон и занявших пересеченную местность, с боя овладел орудием. Горцы скрылись в лесистых оврагах. Выполнив возложенный подвиг, Радкевич с отнятым орудием возвратился кратчайшей дорогой, приказав предварительно сжечь два больших убыхских аула.

Чтобы поддержать возвращающиеся войска, две роты Эриванского полка с двумя легкими орудиями заняли

позицию перед лагерем, а рота Мингрельцев и 50 милиционеров истребили огнем два аула и наблюдали за неприятелем до окончания возвращения в лагерь бывших в бою частей.

Обратное движение колонны подполковника Радкевича совершенно было в полном порядке и горцы, делавшие неоднократно нападения на аррьергард, были отражены с большим для них уроном. Ожесточение и смелость убыхов превосходили всякое вероятие: даже в числе нескольких человек они кидались с шашками в руках в середину пехоты и погибали от штыков его.

Донося об этом деле, генерал Симборский писал:

«Успех этого дня я отношу вполне к благоразумным распоряжениям и личной храбрости подполковника Радкевича, равно примерному и постоянному мужеству войск, разделявших с ним труды и опасности. Громкое «ура», с которым торжественно встречено неприятельское орудие в лагере, было некоторым образом одиюю из лестнейших наград для виновников хорошего исхода дела, которое по смелому плану и удачному исполнению произвело на черкесов весьма выгодное для нас впечатление.

При сем, по свидетельству подполковника Радкевича, оказали наиболее отличия и заслуживают особенной похвалы: находившийся у него генерального штаба капитан Глинка — храбростью и содействием в размещении войск; артиллерии поручики Варапаев и Иванов и подпоручик Лагода, успешным действием из орудия под непрерывным оружейным огнем неприятеля; состоящий по кавалерии корнет Кундухов и штаб-капитаны Эриванского карабинерного полка Савицкий и Тифлисского егерского Четвериков, находившиеся в голове войск при наступлении их, а при возвращении в аррьергарде, и явившие в обоих случаях примерную неустрашимость и хладнокровие».

12-го же мая генерал Раевский сделал высадку на берегах Туапсе.

В 10 часов утра эскадра Черноморского флота под начальством генерал-адъютанта Лазарева прибыла к устью реки; сухопутные начальники были созваны на пароход «Северная звезда», где на совещании было решено какой именно пункт следует занять.

С самого прибытия эскадры на берегу со всех сторон стекались многочисленные партии горцев.

По данному с флагманского корабля сигналу греб-

ные суда двумя отделениями, под начальством капитана I ранга Серебрякова и капитан-лейтенанта Корнилова, направились к берегу. С кораблей открылся огонь, и горцы отступили к лесу.

Особой ответственности Серебрякова и Корнилова отряд был обязан тому, что войска в полном порядке были высажены на берег. С первым рейсом вышли три батальона Тенгинского, два батальона Навагинского и три роты 4-го Черноморского линейного батальона, под командою майора Середина.

2-й батальон Тенгинского полка под командою полковника фон-Бринка, составляя авангард и выслал стрелков, тронулся построенный в колонну к атаке. Вслед за ним двинулся I-й батальон Тенгинцев под командою начальника штаба отряда полковника Ольшевского и 2-й батальон Навагинского полка под командою своего полкового командира полковника Полтинина. Оба последние батальона выслали также стрелковых и прикрыли оба наши фланги. 3-й батальон Тенгинцев и I-й Навагинцев, под командою генерал-майора Лингена, составляли главную колонну, остались для выгрузки и прикрытия 6-ти легких орудий и 4-х горных единорогов, по окончании чего также двинулись за авангардом.

При занятии ближайших высот горцы завели перестрелку. Навагинцы и Тенгинцы бросились и овладели устроенными неприятелем завалами. В то же время выстроенные в линию при самом устье Туапсе пять азовских лодок, под командою подполковника барона Гача, обстреливали лес между завалом и рекою, не позволяя горцам переправиться на правую его сторону.

Горцы укрепились на другой горе. Полковник Ольшевский, ударив в барабаны, с Тенгинцами атаковал и опрокинул штыками бросившихся в шашки горцев. Атака эта была настолько стремительна, что не позволила подоспеть I-му Навагинскому батальону, посланному в подкрепление с одним легким орудием.

Между тем высадка продолжалась. Сводный батальон матросов с двумя орудиями послан был с капитан-лейтенантом Путятиным усилить авангард, а остальные высаженные войска выдвинуты на высоте и составили резерв. В продолжение всего этого времени три лучших Черноморских казачьих полка делали позади войск засеку по всей окружности лагерного места.

Было пять часов дня, и пораженный двумя атаками неприятель начал удаляться.

13-го мая войска приступили к заготовке материалов для устройства укрепления. Прибывшим за разрешением убрать тела убитых горцев двум старшинам генерал Раевский объявил, что не торгует мертвыми телами и потому возвращает их без выкупа; затем он ласково говорил о тех выгодах, какие они будут иметь подчиняясь Русскому Императору; обещал завести близ каждой крепости базары, изъявил полное уважение к их храбрости. На все эти благие пожелания горцы ответили, что не уполномочены решать такого важного вопроса.

На следующий день толпы абадзехов подошли на ружейный выстрел к нашему лагерю и начали обстреливать его. Полковнику Полтинину поручено было отодвинуть засеку к самому почти руслу реки Туапсе. Обстреляв картечью это место, полковник Полтинин двинул туда I-й и 2-й батальоны своего Навагинского полка и Сводный морской батальон. «Весьма примечательно, — писал в донесении генерал Раевский, — что матросы, находясь впервые в сухопутном сражении и в стрелках, переняли у своих соседей Навагинцев все искусство стрелкового дела, пользовались местностью, ловко скрывались за пнями и в кустарниках, словом, действовали опытными застрельщиками. Все это должно приписать примерному вниманию и распорядительности капитан-лейтенанта Путятина».

После этих действий Навагинцев и моряков наши войска прочно заняли все пространство до р. Туапсе, причем от непрерывающейся перестрелки был контужен Навагинского полка поручик Тимченко, ранено 6 матросов, один казак и один артиллерист.

«Деятельности, храбрости и распорядительности полковника Полтинина и капитан-лейтенанта Путятина, — так заканчивает генерал Раевский донесение, — мы обязаны успехом дела и сохранением людей. При сем случае, равно и во время десанта, военные достоинства и примерное усердие полковника Полтинина заслуживают особенного внимания; почему я покорнейше прошу о награждении его золотою полусаблею с надписью «за храбрость». Достоинства, храбрость и услуги, оказанные капитан-лейтенантом Путятиным, весьма заслуживают поощрения, почему считаю долгом ходатайствовать для него производства в следующий чин».

Согласно Высочайшей воле, в 1839 г. отряд в составе 8 батальонов (по 4 батальона Навагинского и Тен-

гинского полков), 2-х рот сапер, 2-х полков Черноморских казаков при 24-х орудиях, под начальством генерал-лейтенанта Раевского, должен был на судах Черноморского флота высадиться в Субаши и построить там форт. Эскадра под предводительством адмирала Лазарева прибыла в устье Керченского пролива и, выйдя 28-го апреля при попутном ветре, 2-го мая прибыла к устью реки Субаши. На этот раз Раевский вносил русское оружие в землю убыхов. На другой день корабли спустили гребные суда с посаженными на них Навагинцами и Тенгинцами. Пешие толпы убыхов все больше и больше увеличивались; до 30-ти начальников разъезжали верхом. На равнине под вековыми деревьями человек 500 стояли на коленях и перед ними мулла в белой чалме; это указывало, что черкесы решились защищаться до крайности и что нам не дешево достанется их «святое» место.

Адмирал поднял сигнал «начать бой», и корабли открыли канонаду. Гребные суда, под командою капитана 2-го ранга Корнилова, двумя линиями стройно двинулись к берегу и высадили туда войска.

В числе первых вышел на берег Раевский. Несмотря на близость эскадры, убыхи встретили десант в 50-ти саженях от берега. Действие морской артиллерии заставило горцев оставить прибрежные окопы, которыми они укрепили все пространство между устьями Субаши и Шахе, и нашли безопасное убежище за лесистыми возвышениями и в оврагах.

Едва войска успели выйти на берег, едва успели выгрузить два горных орудия и выслать передовые цепи, как толпа более тысячи горцев хлынула на равнину и молча, без выстрела понеслась на передовое прикрытие. Впереди всех бежало несколько мулл в белых чалмах и со страшным гиком кинулись на передовую цепь. «Мне кажется, — говорит в своих записках очевидцев этого боя Лорер, — что я никогда не забуду страшного впечатления, произведенного на нас этой неожиданной атаккой. Два предводителя горцев верхами на белых конях отважно неслись впереди толпы». Генерал Кашутин бросился с батальоном Тенгинского полка, но горцы, выхватив шашки, дерзко шли вперед. В это самое мгновение 3-й батальон Навагинского полка подполковника Танского появился на равнине из чащи леса, ударив штыки во фланг неприятелю с барабанным боем и кри-

ком «ура». По приказанию командира Навагинского полка полковника Полтвинина майор Германс с третьей Навагинской мушкетерской ротой, составлявшей резерв правого прикрытия, бросился вместе с полковником Танским. Черкесы приостановились, начали стрелять и подались назад. Но было поздно — охваченные с двух сторон Навагинцами они бились отчаянно в рукопашной свалке, отступая в то же время шаг за шагом.

Несколько матросов с гребных судов, горя желанием участвовать в этом блестящем деле, бросились в ряды Навагинцев вслед за капитаном 2-го ранга Корниловым, капитанами-лейтенантами Панфиловым и Ивановым, флигель-адъютантом Глазенапом и другими офицерами. 5-го флотского экипажа мичман Фредерикс, увлеченный порывом юной храбрости, бросился в свалку и был поражен pistolетным выстрелом в живот на вылет. 41-го экипажа матрос Александр Селезнев обратил на себя общее внимание примерною храбростью: он в глазах целого батальона Навагинского полка заколол штыком двух черкесов, бросившихся на него с шашками.

Между тем, на левом фланге ожидало нас не менее важное дело. Такая же большая партия горцев спустилась с высокой горы, разделяющей Шахе и Субаши. Они хотели занять выдающееся в море возвышение, на котором были их главные завалы прикрытия. Генерал Ольшевский предупредил их движение на высоты и с батальоном Тенгинцев подполковника Хлюпина быстро повел их на покрытый лесом утес горы. Завязалась сильная перестрелка, но выгодная позиция позволила не только остановить с этой стороны напор неприятеля, но обратить еще оттуда два легкие орудия на толпу, теснимую передовым прикрытием. Поражаемые с трех сторон горцы, однако, не бежали, но медленно начали отступать по равнине, прикрываясь двойною цепью; новые толпы их, выходя из лесистого ущелья, уносили или заменяли убитых и раненых.

В это время высаженный вторым рейсом сводный батальон Навагинцев и Тенгинцев, артиллерия и Сводный морской батальон присоединились к отряду. Сводный батальон Навагинцев и Тенгинцев, под командою подполковника Данзаса (из-за ссоры переведенного в Тенгинский полк) послан был для усиления авангарда.

Данзас был другом и товарищем по лицу великого поэта Пушкина, секундантом на его трагической дуэли и свидетелем последних минут его жизни. Редко можно бы-

ло встретиться с подобною храбростью и хладнокровием, конми обладал он. Прибыв к авангарду, Данзас проявлял чудеса храбрости; с подвязанною рукою впереди своего батальона, стоял он на возвышении. «Пули, как шмели, жужжали и прыгали возле него, — писал очевидец, — а он говорит остроты и сыплет каламбуры. Ему кто то заметил, что напрасно стоит на самом опасном месте», а он ответил: «Я сам это вижу, но лень сойти. Нижние чины его батальона в нем души не чаяли. «И для чего это нашего полковника зовут Данзас? — спросил один солдатик другого. «Вестимо отчего, — отвечал тот, — родился на Дону и приходится с родни генералу Зассу; ну, вот и вышло Дон-Засс». Самому Данзасу, случайно услышавшего этот разговор, так понравилась шутка, что он тут же подарил солдату красную серебряный рубль.

Генерал Кашутин со вторым батальоном Тенгинцев и третьим Навагинцев стал сильнее теснить неприятеля. Подходя к подножию горы, разделяющей Субаши от Шахе, он двинул подполковника Лебединского с двумя ротами на высокий и крутой уступ, на который отступили горцы.

Лебединский с барабанным боем взобрался на утес и расположился на нем, обстреливаемый с трех сторон. Между Лебединским и левым прикрытием оставалось на горе большое пустое пространство. Занятие этого места Раевский предоставил генералу Ольшевскому, которому был прислан Сводный морской батальон под командою капитана 2-го ранга Пуятин; он разделил батальон на две части: две роты поручил флигель-адъютанту Глазенапу, а другие — капитану 2-го ранга Метлину. Обе колонны направлены были на гору по обрывам горы. Моряки в полном порядке взлетели на гору и штыками выбили неприятеля с выгодной позиции в лесу. Горцы, отступая, вели сильную перестрелку; число их беспрестанно увеличивалось.

Капитан 2-го ранга Пуятин знал позицию и держался, не уступая ни шагу. Храбрость его служила примером всему батальону. Хладнокровно распоряжаясь в цепи, он был осыпаям градом пуль и, раненный в руку легко, а в ляжку навывлет, принужден был оставить командование. Его место занял капитан 2-го ранга Метлин.

Из войск второго рейса 2-й батальон Навагинцев и рота сапер были посланы на подкрепление левого при-

крытия; генерал Ольшевский отдал их также в распоряжение Метлина. Тогда флигель-адъютант Глазенап вступил в командование Сводным морским батальоном. Навагинцы и саперы с величайшим трудом внесли на гору, на плечах, два горных единорога. Метлин под сильным огнем начал устраивать засеку. Работа шла успешно — в два часа все место было покрыто высокою засекою.

На равнине же генерал Кашутин и полковник Полтинин с авангардом и головою правого прикрытия продолжали отважно насаждать на неприятеля, отступавшего чрезвычайно медленно, с большим спокойствием. Каждый картечный выстрел был действителен на таком близком расстоянии. К своим убитым и раненым горцы сбегались и дрались после этого еще с большим ожесточением, которое и нам стоило много крови. Кроме нижних чинов, были убиты при этом Навагинского полка подпоручик Колодка и прапорщик Бракер и Кольванского полка поручик Павлов; ранены Тенгинского полка прапорщик Лушковский и Оренбургского линейного № 5 батальона подпоручик Овсяников.

Дойдя до горы, генерал Кашутин и Полтинин с Навагинцами и Тенгинцами овладели ею и тем совершили занятие предназначенного пространства.

Преследование прекратилось после двухчасового упорного боя. Горцы сделали последнее усилие. Продолжая горячую перестрелку, они внезапно бросились на резерв Тенгинского полка, прикрывавшего орудия. 20-й артиллерийской бригады ш.-к. Щербина, допустив их на близкое расстояние, открыл огонь картечью; поручики Рыков и Мажаров смело ударили в штыки и отбросили горцев; при этом оба офицера были тяжело ранены. В продолжение боя на Черноморских пеших батальона, под огнем противника, устраивали засеку, которая к 6 часам вечера была готова, и за нею отряд расположился лагерем.

В этот день наши потери заключались: убитыми три офицера, ранеными — шесть; убитых и раненых нижних чинов 128.

Описывая выдающуюся храбрость и славные действия отряда, генерал Раевский писал:

«Я уже отдал должную справедливость нашим соотрудникам морякам, довольствуясь перечесть имена генерал-майоров Кашутина и Ольшевского, полковника

Полтнинина, подполковника Танского и Лебединского и майора Германса. Достоинства и прежняя их заслуги давно известны; ныне же, как всегда прежде, они заслуживают полного внимания начальства. Но по сие время я еще не говорил об обер-квартирмейстере отряда генерального штаба подполковнике Филипсоне. Считаю непременным долгом упомянуть здесь об его достоинствах и заслугах; за порядком в движении стрелков, направлении всех колонн к общей цели и сохранении единства согласно плана действий я вполне обязан одному ему. Словом, сей штаб-офицер, необходимый в службе, всегда будет примером блестящей храбрости, благоразумной распорядительности и неутомимого усердия.

Я еще не говорил о потере, понесенной горцами. По прекращении натисков неприятеля, но еще во время сильной перестрелки, ко мне явились горские старшины, прося о выкупе своих убитых, оставшихся в наших руках. Между старшинами был Биарслан Берзек, известный как происхождением, так и храбростью; то и другое дает ему важное влияние над соплеменниками. С ним был еще убыхский дворянин Тюльпар, человек тоже уважаемой фамилии и тот самый, который с предводительствуемой им галерою был захвачен на Сочи Азовскими казаками. Как и в прошлом году, я объявил им, что не торгую мертвыми, но возвращаю их безвыкупно. Возвращение тел не есть бесполезное снисхождение: идя на бой, горец дает своему брату по оружию клятву умереть вместе или вынести тело павшего товарища; неисполнение обета влечет за собою посрамление, и клятвопреступник обязан содержать все семейство убитого. Поэтому отдача тел безвыкупно внушает горцам благодарность и доверие.

Я приказал собрать тела горцев, оставшиеся на поле битвы; их сложили в две кучи, числом 48; между ними нашелся один живой еще, но смертельно израненный. Старшины с живою горестью узнали между убитыми двух из главных своих соплеменников. Они пожелали взять их немедленно, а за остальными хотели на другой день прислать арбы. Я позволил и то, и другое, обладал старшин, хвалил за храбрость. Как и в прошлом году, я говорил им о милостях, которые их ожидают, если они покорятся воле Государя Императора, о каре, которая постигнет строптивых и, наконец, об ничто-

жестве их средств к сопротивлению нашей силе. Ободренные, может быть, тронутые моим поступком и ласкою, они стали откровеннее; говорили об огромной потере своей, но не могли сказать ничего положительного о числе своих убитых и раненых; говорили о причинах, которые заставили их с таким ожесточением защищать Шахе. Прибрежная роща была издревле Тагапк, т. е. священный лес, куда они стекались для языческих обрядов и родовых совещаний. Потому-то в виду флота они произнесли торжественную клятву умереть до последнего, но не допустить неверных до осквернения святыни.

Кроме того долина Шахе, привольная и более других населенная, была издавна главным пунктом приморской торговли горцев, в особенности женщинами.

Войска расположились лагерем на берегу моря и приступили к постройке укрепления, которое было названо Головинским. В продолжение работ горцы постоянно тревожили войска. Приходилось высылать отряды для рубки леса, вязания фашин. Эти движения не обходились без перестрелок. В особенности Навагинцам и Тенгинцам памятно дело 27-го мая, когда горцы отчаянно бросились в шашки, пришлось отразить 13 отчаянных атак.

5-го июля все работы были закончены; на следующий день началась посадка войск на суда, которые направились к устью р. Псеузапе. Здесь был заложен форт «Лазарев». Между Анапою и Новороссийском был построен форт «Раевский».

Постройкой этих трех укреплений закончилось устройство Черноморской береговой линии, начальником которой был назначен генерал Раевский.

Взятие черкесами Михайловского укрепления и подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова. Геройская защита Навагинцами Абинского укрепления. Путешествие Цесаревича Александра Николаевича по Кавказу в 1850 году.

Хотя Черноморская береговая линия была окончена и на всех главных пунктах построены укрепления, но по недостатку войск пришлось занять их очень слабыми гарнизонами.

Климатические условия побережья того времени настолько пагубно отражались на войсках, что не имелось под ружьем необходимого числа людей для обороны.

К этому присоединилось еще, что осенью и зимою 1839—1840 г. среди черкесских племен наступил ужасный голод, и черкесы предпочитали лучше умереть с оружием в руках, чем обрекать себя на голодную смерть. Зная недостатки только что возведенных укреплений и слабые в них гарнизоны, черкесы соединились, решили напасть на них, чтобы воспользоваться продовольственными и огнестрельными припасами.

Воодушевленные знаменитым убыхским предводителем Хаджи-Берзекком, славившегося своим умом и беспредельной храбростью, горцы сплотились в одно целое и проявили отчаянный героизм.

7-го февраля 1840 года громадные толпы их окружили форт Лазарева. В гарнизоне находилась лишь одна рота Тенгинского полка. Рано утром вышедший бить зорю барабанщик первый заметил почти у самого форта скопища неприятеля; барабанщик вместо зори ударил тревогу, но черкесы ворвались уже в укрепление и прежде всего бросились на офицерский флигель, перебили почти всех офицеров и затем в казармах неуспешных проснулись солдаты.

Взятие форта Лазарева очень ободрило черкесов; вслед затем они захватили укрепление Вельяминовское, а 17-го марта лазутчик дал знать, что скопище горцев увеличилось до 11-ти тысяч человек, и они намерены напасть на укрепление Михайловское.

В этом укреплении находилось гарнизона: рота Тенгинского полка под начальством поручика Краумзгольда и прапорщика Гаевского, шестая рота Навагинского полка с командиром поручиком Тимченко и его помощниками прапорщиками Смирновым и Земборским; две роты Черноморского линейного № 5 батальона, под начальством штабс-капитана Лико и подпоручика Бессонова; при орудиях состоял 11 гарнизонной артиллерийской бригады прапорщик Ермолаев; всего 8 офицеров, лекарь Сомович, иеромонах Августин и 480 нижних чинов. Штабс-капитан Лико, старший в чине, был начальником гарнизона.

По словам современников, Лико, грек по происхождению, был замечательно энергичный офицер с непреклонною волею; он умел внушать к себе доверие и пользовался всеобщею любовью. Он принадлежал к тем начальникам, про которых кавказский солдат выразился: «Ты не гляди, что он смотрит таким бирюком — душа у него как есть солдатская».

Получив известие о падении форта Лазарева и зная, что гарнизон с большим числом больных не в состоянии занять все протяжение линии огня, штабс-капитан Лико разделил укрепление на две части и занял ту из них, на которую можно было ожидать нападения. Затем он собрал всех офицеров и в присутствии нижних чинов объявил им об угрожающей опасности; при этом напомнил о долге, воинской присяге и обещании, данном начальнику береговой линии генералу Раевскому не сдаваться живыми и биться до последнего человека, и в случае крайности взорвать погреб. Все офицеры горячо отозвались на слова Лико, а единодушное «ура» солдат служило доказательством, насколько предложение начальника гарнизона совпадало с общим настроением. Все стали готовиться к смертному бою.

Особенное впечатление это решение произвело на рядового Тенгинского полка Архипа Осипова, происходившего из крестьян Киевской губернии, Липецкого уезда, села Каменки. Под влиянием воспоминаний о прежних примерах геройских подвигов кавказского солдата у Архипа Осипова явилась мысль и самому совершить выдающийся подвиг, который указал гарнизону их начальник.

Один из участников славной защиты Михайловского укрепления, рядовой Иосиф Мирославский, так рассказывает об этом.

В день получения известия, 17-го марта, о намерениях горцев штабс-капитан Лико приказал, чтобы с захождением солнца был сделан расчет гарнизону, дан ужин, и приказано нижним чинам лечь спать, а в 12 часов ночи встать, расположиться по своим местам в укреплении и стоять очень осторожно.

На другой день, после обеда, солдат нашей роты Архип Осипов, прохаживая в задумчивости по казарме, говорил:

— Ну, если будет нападение, то для России память великую сделаю.

— Ты солдат, — заметили ему товарищи, — что ты можешь сделать?

Осипов не отвечал; но, подойдя ко мне, сказал, что он хочет сделать для России память в случае нашей неустойки.

— Я себя обрекаю на смерть и зажгу порох в пог-

ребя; душевно желаю, чтобы неприятель бросился бы на грабеж.

— А если ты преждевременно зажжешь?

— О! Этого не будет. Архип Осипов на этот предмет присягнул и свято исполнит присягу.

— Подожди, мой любезный, я доложу о том военному начальнику.

Штабс-капитан Лико потребовал к себе Архипа Осипова и, уговорившись с ним в присутствии всех офицеров, достал из стола крест и дал поцеловать. Осипов перекрестился и присягнул, что только тогда подожжет порох, когда черкесы будут возле погребя. О намерении Осипова Лико объявил тогда же всему гарнизону. Таков рассказ участника обороны.

В ожидании нападения ежедневно в полночь гарнизон выходил занимать назначенные по фасам укрепления места. Так наступила роковая ночь с 21 по 21 марта 1840 года. Сторожевые собаки, выпущенные из укрепления, всю ночь лаяли к нагорной стороне, откуда должны были явиться горцы. Гарнизон стоял наготове. Ночь выдалась особенно темная. Море бушевало. Лико еще раз напомнил всем о святости данной присяги. Едва стало светать, как вдали обозначились темные толпы черкесов; их было, как потом оказалось, до 11 тысяч человек. Приблизившись, они, несмотря на картечные выстрелы из пяти орудий и стрельбу залпами из ружей, бросились в укрепление, где завязался упорный, рукопашный бой. Штабс-капитан Лико, руководивший обороной, был тяжело ранен; почти все офицеры были перебиты, и солдаты, отступая шаг за шагом, бросились на пролом, чтобы штыками проложить себе путь к последнему убежищу на южной морской батарее.

Тот же Мирославский, описывая эти последние минуты боя, говорит:

«Мы отбивались выстрелами и штыками; место битвы было завалено трупами; мы наскоро очищали их, чтобы можно было стрелять из орудий. Прапорщик артиллерии Ермолаев, не смогший действовать из орудий по недостатку снарядов и людей, начал стрелять из ружей. Тут же на моих глазах выстрел горца прямо в грудь сразил его.

Собравши со всего гарнизона около сорока человек, я приказал им идти за собою на морскую батарею. На

пути я услышал голос поручика Навагинского полка Тимченко. Он лежал весь в крови на бастионе — был тяжело ранен — и, подозвавши меня, говорит: «юнкер Мирославский, распорядитесь занять это место; при этом показал мне рукою: «заступите мое место, — прибавил он, — и место военного начальника, ибо уже всех офицеров перебили».

— Готов исполнять поручение ваше, ответил я, но людей нет.

Он махнул рукою и сказал: «Распоряжайтесь, как знаете».

Собрав уцелевших, я повел их на морскую батарею в надежде, что там найду ящик с патронами. Мы шли мимо офицерского флигеля. Здесь я услышал голос капитана Лико; он был ранен в голову; его держали под руки денщик и цирюльник.

— Юнкер Мирославский, — сказал мне Лико, — заступите мое место, ибо я не имею сил; защищайтесь, как только можете.

На морской батарее пока все было в целости, но не успели солдаты вынуть снаряды из ящиков, как в одну секунду человек около 25-ти пали мертвыми от черкесских пуль.

Укрепление уже пылало; везде развевались уже красные значки горцев. Тогда Архип Осипов решился привести свой план в исполнение; он крикнул товарищам: «Пора, братцы! Кто останется жив, помни мое дело!». И с палящим факелом побежал в пороховой погреб. Вслед затем раздался страшный взрыв; все содрогнулось, и целый столб дыма с пламенем, с человеческими трупами, с камнями взвился на воздух. Гарнизон почти весь погиб, но вместе с ним погибли и тысячи горцев. Взошло солнце и осветило кровавую картину смерти и разрушения. Офицеры все погибли, за исключением тяжело раненых Лико и подпоручика Бессонова и иеромонаха Августина; их, а также 80 нижних чинов, черкесы взяли в плен; Лико и Бессонов вскоре умерли там от ран.

Таким образом, цель горцев получить богатую добычу не удалась. Правда, Михайловское укрепление было уничтожено, но самими же защитниками. Из имущества, провiantа и огнестрельных припасов горцам также нечего было уносить после ужасной катастрофы.

Геройская защита укреплений Черноморской бере-

говой линии обратила на себя внимание Императора Николая I. В воздаяние отличной усердной службы и особенных трудов, с примерною твердостью и постоянством, переносимых Тенгинским и Навагинским полками и десятью Черноморскими линейными батальонами, Высочайше повелено было штаб и обер-офицерам этих войск убавить один год к выслуге ордена св. Георгия*, а всем нижним чинам уменьшить один год службы.

Вместе с тем в приказе по Военному ведомству от 8-го ноября 1840 года военный министр писал:

«Устроенные на восточном берегу Черного моря укрепления, основанные для прекращения грабежей, производимых обитающими на том берегу черкесскими племенами, и в особенности, для уничтожения гнусного их промысла — торго невольниками, в продолжение зимы и начала весны нынешнего года подвергались непрерывным со стороны их нападением. Выбрав это время, в которое береговые укрепления по чрезвычайной трудности сообщения нигде не могли получить помощи, горцы устремились на оныя со всеми своими силами. Но в ожесточенной борьбе с горстью русских воинов они встречали везде мужественное сопротивление и геройскую решимость — пасть до последнего человека в обороне вверенных им постов. Гарнизоны всех этих укреплений покрыли себя незабвенною славою. Из них в особенности гарнизон укрепления Михайловского явил пример редкой неустрашимости, непоколебимого мужества и самоотвержения... Государь Император почтил заслуги доблестных защитников Михайловского укрепления в оставленных ими семейств. Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Осипова, который семейства не имел, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: сохранить навсегда имя его в списках 1-й гренадерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех перекличках, при спросе его имени, первому отвечать «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Ныне, на месте взорванного укрепления, красуется чугунный резной крест, высотой в 15 аршин, установленный на правильно обтесанном пьедестале из местного камня. На металлической доске сделана соответ-

ствующая надпись. Этот крест был сооружен в 1876 году по распоряжению бывшего Главнокомандующего Великого князя Михаила Николаевича на таком месте, чтобы он был виден с судов, проходящих мимо берега.

Другой памятник, более грандиозный, штабс-капитану Лико и Архипу Осипову поставлен во Владикавказе. В «Храме Славы» в Тифлисе, в левом зале, имеется особый «Михайловский отдел», где собрано, что можно было, о геройской обороне укрепления, а также и рельефный план и самого укрепления, сделанный В. А. Самоловым.

По взятии Михайловского черкесы пытались разграбить форт Головинский, но, отброшенные штыковой атакой 2-й роты Навагинского полка, они направились во внутрь страны, к стороне Кубани, и подошли к Абинску. Укрепление это оборонялось 12-ю орудиями, 3-мя ротами Навагинского, одной ротой Тенгинского полков, двумя ротами Черноморского линейного № 1 батальона. Командовавший Черноморскими ротами подполковник Веселовский был начальником укрепления.

25-го мая, в 2 часа ночи, горцы, под предводительством натахайского узденя Мансыра-Супако, не производя ни малейшего шума, почти вплотную подползли к стенам укрепления и бросились на штурм. Но солдаты стояли наготове, и штурмующие были встречены градом пуль и картечи. Горцы с шашками наголо и обнаженными кинжалами в зубах вскочили на валы, но тотчас же были отброшены штыками гарнизона, а многие легли там же. Первая неудача еще больше подбодрила горцев; многие из них были одеты в стальные панцири; они, надеясь на свою неуязвимость, с явным пренебрежением к смерти лезли вновь на бруствер, но крепкий штык в руках сильного русского солдата пронизывал их насквозь; подбодряемые своими предводителями, они сделали последнюю попытку, но храбрый гарнизон встречали штыками. Наконец горцы не выдержали и бросились в бегство. Насколько ожесточенно дрались противники, видно из того, что во рву укрепления оказалось 685 убитых и лишь 10 раненых; из двух значков, отбитых Навагинцами, один был пробит штыком в трех местах, а панцирь, подаренный Навагинцами своему командиру полка, имел 5 дыр от штыков и пуль.

Не успели горцы еще скрыться из виду, как в укреплении было совершено торжественное молебствие по-

* В то время орден св. Георгия давали как за геройские подвиги, так и за выслугу 25-ти лет.

случаю блестящего отбития штурма. По окончании богослужения подполковник Веселовский горячо благодарил своих соподвижников и указал им рядового Навагинского полка Макара Чернова и барабанщика Черноморской роты Ивана Задорожного, которые, будучи тяжело ранены, не оставляли своих мест и подбадривали товарищей; а Задорожный, бросив ненужный ему более барабан, с ружьем в руках показал пример для других. Схватили ружья также писари и денщики, а священник Черноморского батальона отец Александр в продолжение всего боя с крестом в руках благословлял защитников.

Император Николай I щедро наградил защитников Абинского укрепления. Все без исключения офицеры получили следующие чины и ордена и годовой оклад жалованья; всем нижним чинам годовые оклады жалованья и 32 знака отличия Военного ордена.

Такое милостивое внимание показало, насколько Государь Император верно оценил значение совершившегося события. Действительно, поражение горцев послужило им хорошим уроком, охладило в них воинственный пыл и заставило их не так легко смотреть на заманчивые предложения предводителей нападать и уничтожать наши укрепления.

В 1850 году Кавказ был осчастливлен посещением Наследника Цесаревича Великого князя Александра Николаевича.

Слух о путешествии Наследника Цесаревича ходил по Кавказу еще в 1840 году, но он перешел в действительное, волнующее всех ожидание 4-го июля 1850 г., когда Наместник князь М. С. Воронцов получил письмо графа Чернышова с уведомлением, что Государь разрешил Цесаревичу поездку на Кавказ. Сообщая об этом, Чернышев писал, что маршрут путешествия будет сообщен дополнительно. До получения этих сведений никаких распоряжений сделать было нельзя, а время, между тем, уходило, и являлось беспокойство — успеют ли в короткое время приготовить все, что нужно для удобного и безопасного следования в районе, охватывающем собою тысячеверстные пространства, при отсутствии тогда телеграфов и при тех первобытных путях сообщений, какие существовали в то время на Кавказе. Ожидаемые сведения были получены, наконец, 24-го июля. Походная канцелярия Цесаревича уведомила,

что в свите состоят: полковники граф Адлерберг и граф Ламберт, капитан-лейтенант князь Голицын и лейб-хирург Енохин; что на каждой станции по присланному маршруту следует заготовить по 60 лошадей.

Князь Воронцов, представив некоторые изменения в маршруте, составил особый комитет для обсуждения всех вопросов, касающихся предстоящего путешествия. На первом плане стоял вопрос о громадном количестве лошадей: их нужно было заготовить свыше пяти тысяч. На всех станциях делались запасы фуража; непривычных лошадей приучали к дышлевой запряжке, к пальбе, музыке и даже огню, на случай, если при ночной поездке пришлось бы освещать путь факелами. Повсюду исправлялись дороги, мосты и гати, приводились в приличный вид станции и деревни; особые чиновники осматривали и приготавливали помещения для ночлегов. В городах и укреплениях Наследника приказано было встречать с колокольным звоном и пушечною пальбою. Князь Воронцов писал всем высшим представителям власти, что, согласно полученному им Высочайшему повелению, при поднесении депутациями хлеба-соли отнюдь не употреблять серебряных и золотых блюд. Наконец, назначение кавалерийских конвоев с конною артиллерией и распределение пути пехотных эшелонов было непосредственно возложено на начальников военных отделов, которым только и могла быть известна степень опасности пути.

Цесаревич выехал из Ялты 2-го сентября на пароходе «Владимир» и должен был пристать к Кавказским берегам в Новороссийске, но страшная бора (северо-восточный ветер) застигла в пути, и пароход должен был бросить якорь у Тузлусской косы, верстах в десяти от Тамани, на местности совершенно пустынной и дикой. Так как войти в Новороссийскую бухту не представлялось никакой возможности, то Цесаревич 14-го сентября вышел на берег, и здесь, на грани земли Черноморского войска, встречен был наказным атаманом и командующим войсками на Кавказской линии генералом Завадовским с конною Черноморскою сотнею; сюда же вовремя успели и экипажи.

Наследник вместе с князем А. И. Барятинским отправился в Тамань, осмотрел вблизи его Фанагорийскую крепость, посетил военный госпиталь и прибыл в станцию Темрюкскую. Тамань и Темрюк только свои-

ми названиями и напоминали о том значении, каким они пользовались в глубокой древности, когда окружающие их глубокие пески исчезали под культурой виноградных лоз, фруктовых садов и полей, орошенных грандиозными водопроводами. Теперь это были бедные станицы, которым, однако, выпала высокая честь первым принять Царственного гостя. На следующий день Цесаревич проехал по Черноморской кордонной линии, берегам Кубани, видел сторожевые станицы и вышки, со стоящими на них казаками в вечной предосторожности от близкого соседства неприятеля. Хотя горцы и были оттеснены уже от Кубани, но прорывы еще случались не редко, и путь до Екатеринодара на протяжении 228 верст был опасен, потому, кроме сопровождавшего конвоя, везде в опасных местах были выставлены войска.

В 8 часов вечера Цесаревич прибыл в Екатеринодар и остановился в доме наказного атамана. Вся главная улица и передний фасад крепостной стены были иллюминированы плашками. Екатеринодар был тогда совсем не тот, каким мы его знаем теперь: вместо красивых зданий, мощеных улиц с широкими тротуарами, электрического света и других удобств, какими город пользуется в настоящее время, Цесаревич увидел большое село, ничем не отличавшееся от других сел или «курений», как называли их казаки. Единственным в городе двухэтажным каменным зданием была войсковая богадельня, а все остальные дома, не исключая дома атамана, были одноэтажные. Но что в Екатеринодаре было замечательно, так это его шестиглавый собор, находившийся в крепости, построенный, как сказано в указе об его основании, «к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов». Собор этот хотя и деревянный, но по сложности и громадности его сооружений производил сильное впечатление и кто-то справедливо назвал его «дерзостью архитектуры». Внутренность собора вполне соответствовала наружному виду. Здесь Черноморцы хранили свои драгоценнейшие сокровища: знамена, регалии и другие памятники доблестных войсковых заслуг.

16-го сентября в зале атаманского дома Цесаревич принимал всех должностных лиц и почетных представителей Черноморского войска; он вышел к ним в мундире гвардейского дивизиона, в синем бешмете и красной

черкеске с откидными назад рукавами — костюм, в котором соединились для казака все его прошлое и все настоящее — кунтуш гетманской Украины и боевой наряд кавказского горца. Выразив удовольствие храбрым Черноморцам и передав им от Государя благодарность «за их добрую порубежную службу», Цесаревич вышел на площадь, заполненную народом, и направился в собор, осмотрел богатую ризницу, сохранившуюся еще от времен Запорожья, старинные казачьи знамена, клейноды и хартии войска; затем был парад, по окончании которого Цесаревич благодарил казаков за те доблестные качества, которые они унаследовали от своих знаменитых предков. После парада Цесаревич посетил все войсковые учреждения. День закончился парадным обедом, во время которого Черноморцы пели свои малороссийские песни и славили в них отвагу старых есечиков, своих атаманов и гетманов.

17-го сентября Цесаревич выехал из Екатеринодара и, миновав пределы Черноморского войска, остановился на посту Изрядном, откуда начиналась уже Кавказская линия. Здесь встретил его наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска г.м. Круковский.

В то время, как Екатеринодар готовился к приему высокого гостя, Наместник, князь Воронцов, 15-го сентября прибыл в Усть-Лабинскую станицу. Наместника сопровождали: начальник штаба генерал-адъютант Коцебу, помощник его г.м. Вольф, директор канцелярии Сафонов, адъютанты полковник князь Орбелиани, майор Моренц, капитан князь Шаховский и три чиновника: Соколов, Александровский и Золотарев.

Лабинская линия, по которой предстояло Цесаревичу ехать от Усть-Лабы, находилась весьма близко от р. Белой, где жили абадзехи, и она чаще других подвергалась набегам. Князь Воронцов, предупреждая графа Адлерберга, писал, чтобы Цесаревич прибыл в Усть-Лабу пораньше, чтобы еще засветло переехать в Темиргоевское укрепление. Курьер, посланный с этим письмом, еще находился в пути, как Наместник одновременно с двух разных сторон получил самые тревожные известия. Генерал Евдокимов писал, что огромные сборища горцев, под личным предводительством Магомет-Амина, прибыло на Белую и готовится напасть на Линию, когда по ней будет проезжать Цесаревич. Евдокимов настаивал на необходимости изменить маршрут

путешествия. Командующий Черноморскою кордонною линиею генерал Рашпиль сообщал, что Магомет-Амин выехал на Белую со значительными партиями горцев.

Встреченный в Усть-Лабе князем Воронцовым и выслушав его доклад, Цесаревич изъявил согласие переменить маршрут, и 18-го числа отправился в дальнейший путь по Кубани. В этот самый день Магомет-Амин со всем своим скопищем двинулся к станице Вознесенской, но, узнав о перемене маршрута, остановился за Лабой, у Длинного леса, не успев исполнить своего плана. Между тем, Цесаревич продолжал свой путь. От Усть-Лабы начинался уже старый, боевой Кавказ. Здесь, что ни шаг, то исторические воспоминания. Здесь, в этих именно станицах, крепло и развивалось линейное казачество с целою летописью молодецких подвигов. Многие в этой войске поражало своею оригинальностью, начиная от одежды и снаряжения, взятого им у черкесов, и кончая бытовою стороною жизни. Цесаревич все время любовался ловкостью и джигитовкой казаков.

Много проехал Цесаревич на своем пути мест, занесенных на страницы истории, много слышал имен достойных представителей казацкого эпоса, много встречал по дороге станичных некрополей и безымянных могил в тех балках, из которых почти каждая хранила какое-нибудь кровавое предание. Так проехал он станицы Ладожскую, Тифлисскую, Казанскую, Кавказскую, Темижбек, Николаевскую, Беломечетскую, Баталпашинск, Суворовскую. Здесь развевалась уже великолепная панорама Пятигорской долины. Эти окрестности были полны уже иных воспоминаний, чем оставленные позади станицы: здесь не было битв, но здесь дышало гением и славой Лермонтовской поэзии. Из Суворовской Цесаревич проехал через Ессентуки в Кисловодск, где тогда еще существовала крепость. Нынешняя великолепная галерея Нарзана только что начинала еще строиться, и Наследник видел кипящий источник почти в первобытной его обстановке.

Памятником пребывания Цесаревича в Кисловодске осталась замечательная картина, изображающая парадный обед, данный 21-го сентября в доме статского советника А. Ф. Реброва. Эта картина драгоценна тем, что передает нам современные портреты как самого Цесаревича, так и всех сопровождавших его тогда лиц. Фо-

тографический снимок с этой картины находится в Кавказском Военно-Историческом Музее (Храм Славы) в Тифлисе.

Из Кисловодска Цесаревич прибыл на ночлег в Пятигорск, а на следующий день, осмотрев все минеральные источники, выехал в Нальчик. Переезд был большой, в 75 верст, с двумя переправами через бурные реки, которые находились в разливе. Волжский полк, составлявший конвой, окружил коляску и, можно сказать, на руках перенес ее через бушующую Малку. На противоположном берегу Цесаревича встретил новый, блестящий эскорт из кабардинских князей. За Малкой начиналась уже Кабарда. Степь с последним казачьим поселком осталась позади, и перед глазами путешественников развернулась дивная панорама гор с их мрачными ущельями, из которых с гулом вырывались горные реки Баксан, Чегем, Урух и другие. Кругом роскошные пастбища, зелень, остатки лесов и среди них, здесь и там разбросанные кабардинские аулы. В памяти Цесаревича еще были живы те подвиги, которыми ознаменовала себя черкесская конница в Венгерскую кампанию 1849 года, и он с любопытством наблюдал теперь этих всадников, бешено мчавшихся по их родным полям, в самом сердце Кабардинской земли. Действительно, одетые в легкие стальные кольчуги, сверкая дорогим оружием, на легких воздушных конях, кабардинцы представляли собою такое зрелище, какое не могла представить ни одна европейская конница.

В Нальчик прибыли поздно вечером. На следующее утро, 23-го сентября, Цесаревич принимал князей, старшин и почетных жителей Кабарды, Карачая и других соседних племен; от имени Государя он передал им благодарность за их верную и честную службу России. В числе депутации находился житель Бабукова аула Тукум-Бугов, который за четыре года перед тем был отчаянным абреком, а в 1843 году, недалеко от Пятигорска, захватил в плен жену батарейного командира полковника Махина, держал у себя ее три года, пока не получил выкупа, но обращался с ней с такой утонченно рыцарскою вежливостью, что князь Воронцов простил ему все прошлое и разрешил ему поселиться опять в Бабуковском ауле. Перед самым приездом Цесаревича Тукум-Бугов отправился в горы, выкрал из немирных аулов двух пленных казаков и в Нальчике пред-

ставил их Наместнику. Отсюда Цесаревич направился через Владикавказ по Военно-Грузинской дороге для осмотра Закавказского края.

Магомет-Амин и Сефер-бей — руководители черкесских племен. Изъявление покорности бжедухам и абадзехам. Смерть командира Северского драгунского полка кн. Багратиона.

Набег Новотроицкой сотни поручика графа Воронцова-Дашкова и князя Амилахвари с Нижегородцами на шапсугские аулы.

Еще в 1848 году в Закубанском крае появился Магомет-Амин, посланный Шамилем в звании наиба. Хороший проповедник и умный Магомет-Амин быстро воспользовался настроением абадзехов. Таинственность, которою окружил себя Магомет-Амин, увлекательная речь, гордый повелительный тон с окружающими его старшинами, приветливое, ласковое обращение с народом, обещание лучшей будущности — все это производило на абадзехов сильное впечатление. Народ избрал его своим владыкою. Успехи проповеди Магомет-Амина были так быстры, что в феврале 1849 года он уже издает законы, организует управление в народе, создает постоянное войско. И все другие черкесские племена Закубанья постепенно начали признавать власть Магомет-Амина, так что они, в конце концов, сделались послушным орудием этого замечательного горца. Пользуясь таким влиянием, он предпринимал более или менее удачные набеги на Линию. Не довольствуясь подчинением племен Закубанья, Магомет-Амин явился к убыхам и шапсугам; не без борьбы с влиятельными князьями Магомету все-таки удалось распространить свое влияние и среди народов побережья Черного моря. Но убыхи, шапсуги и натухайцы тяготились этим влиянием и окончательно порвали сношения с наибом перед Восточной войной 1853—1856 г.г., когда среди них появился природный черкесский князь Сефер-бей-Зан, находившийся до тех пор в Турции.

Во время Восточной войны почти вся Черноморская береговая линия была оставлена нашими войсками, так как громадное протяжение ее не позволяло защищать ее и от горцев, и от турок, и от союзников. По оконча-

нии войны Император Александр II прежде всего приказал занять Анапу, где в то время находился Сефер-бей-Зан, присвоивший себе громкий титул «главнокомандующего всеми горскими народами и начальника турецких сил в Анапе».

Сефер-бей, бывший когда-то Ришельевский лиценст и юнкер одного из кавалерийских полков, бежавший затем в горы, в 30-х годах очутился в Константинополе, где он находился на иждивении турецкого правительства. В 1854 году он был прислан в Абхазию, чтобы склонить все прибрежные племена на сторону Турции. По оставлении нами Анапы Сефер-бей явился туда, стал именовать себя анапским пашой. Приезжавшие в Анапу французские, английские и турецкие офицеры, чтобы возбудить горцев к общему восстанию, относились к Сефер-бею как уполномоченному начальнику. Это увеличивало его значение среди горцев. Натухайцы подчинились его влиянию и, конечно, притворно, чтобы противопоставить его Магомет-Амину. К этому последнему также ездили европейские офицеры, но не могли склонить его к совместным действиям с Сефер-беем.

Между двумя руководителями горских племен возникли враждебные отношения. Впрочем, это было и понятно: Магомет-Амин, по духу мюридизма, издавна проповедовал равенство всех мусульман, а Сефер-бей, природный князь, подавал надежды князьям и дворянам на восстановление утраченных ими древних прав среди Закубанских племен. Вражда между Магометом и Сефер-беем перешла даже в открытое столкновение.

Перед занятием нашими войсками Анапы Сефер-бей бежал сначала в Новороссийск, а затем поселился среди шапсугов и натухайцев, где по-прежнему играл главную роль руководителя всех враждебных против нас предприятий; в этом ему содействовал и знаменитый сын его Кара-батыр.

Как Магомет-Амин, так и Сефер-бей с сыном отчаянно воевали с нами в последний период борьбы на Западном Кавказе.

С падением Гуниба и пленением Шамиля Восточный Кавказ был покорен. Все внимание князь Барятинский обратил на Западный Кавказ. Враждебные племена, стесненные устроенными в 1856—1859 году Адагумскою и Белореченскою линиями, постепенно начали изъявлять покорность или выселяться в Турцию. Первый при-

мер подали бжедуги после нанесенного им сильного удара полковником Бабычем. В мае 1859 года старшины бжедугов в числе 38 человек, по одному от каждого аула, явились к заместителю наказного атамана генералу Кусакову и заявили, что народ покорится русскому Царю безусловно. Такая же депутация от всех бжедугских племен в начале июня явилась в Екатерینодар к генерал-лейтенанту Филипсону. Кроме безусловной покорности, поголовной присяги и выдачи аманатов, от них потребовано, чтобы народ поселился к осени в больших аулах на указанных местах. В первой половине июля присяга была принесена на сборных пунктах за Кубанью.

Примеру бжедугов последовали жившие между Лабой и Белой племена: темиргоевцы, махашевцы, егерухаевцы, бесленевцы, шах-гирейцы и закубанские кабардинцы.

Появление значительного отряда генерала Филипсона в верховьях р. Фарса и Псефира и устройство на урочище Хамкеты укрепления заставило и абадзехов серьезно подумать о своем положении; они приступили к переговорам, и 20 ноября в лагере депутаты от всех сословий абадзехов в числе от 1500 до 2000 человек принесли присягу. Первый присягнул сам Магомет-Амин, который, как главное духовное лицо, много содействовал этому, объяснив народу, что закон Магомета не препятствует мусульманам быть подданными христианского Государя. По просьбе абадзехских старшин генерал Филипсон дозволил Магомет-Амину оставаться между ними как духовной особе, но без всякого звания наиба. Через несколько месяцев выяснилось, однако, что непрочна была покорность, принесенная абадзехами. В наших пределах стали появляться партии из-за р. Белой. Магомет-Амин, при всем желании предотвратить эти набеги, ничего не мог сделать, и он, видя, что абадзехи его не слушают и нарушают принесенную присягу, скрытно от всех уехал в Турцию.

К концу 1859 года из других племен, не признававших нашей власти, оставались шапсуги и натухайцы; часть этих последних, именно живших между Анапою, Суджуком и Адагумом, в числе 40 тысяч душ, после поражения, нанесенного им полковником Бабычем и смерти их предводителя Сефер-бея Зана, 12-го января 1860 года также принесли присягу на верноподданство.

Остальные поселились между шапсугами или выехали в Турцию.

Настало время, когда князь Барятинский решил усилить военные действия на Западном Кавказе. Умиротворенные Дагестан и Чечня позволили направить в Закубанский край закаленные в боях полки. С этой целью войска, находившиеся в этом крае, были усилены тремя драгунскими полками (Нижегородским, Северским и Переяславским; Тверской находился там с 1857 года), четырьмя стрелковыми батальонами — Гренадерским, 19, 20 и 21-м и двенадцатью сводно-стрелковыми батальонами из стрелковых рот Кавказской гренадерской, 20 и 21-й дивизии. Части эти выступили на Кубань в начале февраля 1860 года.

Прибывшие на Кубань части тотчас же были привлечены к военным действиям и работам по устройству станиц и просек. Отметим несколько боевых эпизодов и блестящих дел Северского, Нижегородского драгунских полков и Кубанского казачьего полка Новотроицкой сотни, которою командовал поручик граф Воронцов-Дашков.

В 1860 году погиб командир Северского драгунского полка, полковник, князь Багратион при следующих обстоятельствах.

7-го июня князь в сопровождении семи драгун, посаженных в повозку, выехал из укрепления Адагумского в станицу Крымскую для осмотра частей полка. Вместе с князем, но по кратчайшей дороге, выехал и полковой квартирмейстер поручик Леонтович. Князь ехал довольно шибко, не обратив внимания на то, что телега не поспевала за ним и отстала. Уже проехали половину пути, как из лесу раздался ружейный залп, и партия горцев до ста человек выскочила на дорогу и окружила коляску. Горцы с ожесточением накинулись на князя и двух его спутников. Началась борьба: кучер и слуга были убиты, сам князь тяжело ранен. Горцы начали выпрягать лошадей и грабить экипаж. Конвойные драгуны, услышав выстрелы, бросили свою усталую тройку и побежали на выручку Леонтовича; но, увидев происшедшее, они помчались в укрепление и доложили начальнику гарнизона майору Маняти о случившемся. Роковое известие быстро облетело весь гарнизон, и поручик, граф Граббе с несколькими Северцами также устремились на выручку. По тревоге выступили

пили из Крымской станицы и две роты пехоты; но было поздно — горцы увлекли раненого командира в плен.

Граф Граббе пустился с драгунами в погоню; по дороге они последовательно находили то одну, то другую вещь, принадлежавшую командиру, который бросал их с целью указать следы. Впоследствии лазутчики донесли, что, действительно, горцы взяли в плен князя, чтобы получить за него большой выкуп; услышав тревогу, они помчались так быстро, что раненому князю это причиняло невыносимые страдания, и он упрашивал своих мучителей ехать медленнее; конечно, горцы не обратили внимания на просьбы; тогда, доведенный до крайности князь, собрав последние усилия, схватил обеими руками своего жока за горло и, свалившись вместе с ним на землю, тут же задушил его. Горцы ускакали к себе в аул. Труп командира Северцы перевезли в станицу Крымскую, где и предали земле.

В глухую августовскую ночь 1860 г. из Григорьевского укрепления выступила Новотроицкая сотня графа И. И. Воронцова-Дашкова, тогда еще молодого поручика — теперь Царского Наместника и Главнокомандующего теми самыми Кавказскими войсками, которыми начал свою первую боевую службу. За этой сотней двигались два эскадрона Нижегородских драгун под командою князя Ивана Гивича Амилахвари, в то время еще капитана, впоследствии памятного всем старым кавказцам боевого генерала.

Это был летучий авангард, высланный для набега на один из значительнейших шапсугских аулов; за авангардом, в виде резерва, держались поодаль три батальона пехоты с артиллерией. Они, известные в летописи Кавказской войны охотники Кабардинского полка, следовали непосредственно с кавалерией и не отставали от нее. Удивительные ходоки были эти люди. Недаром Император Александр II шутя называл их «Кабардинскою кавалерией». Вместе с казаками находилась и художник Горшельд*.

«Нам отдан был приказ, — говорит Горшельд в своих воспоминаниях, — сохранять величайшую тишину, и линейцы, привычные к ночным движениям двига-

* Немец по происхождению, Теодор Горшельд всю свою художественную деятельность принадлежал России и, преимущественно, Кавказу. Кавказские картины, рисунки, типы солдата, линейного казака и горцы пользуются общею и заслуженною известностью во всей Европе.

лись беззвучно, как ночные привидения. Ночь дышала прохладой; звезды горели на чистом безоблачном небе, но было так темно, что едва можно было различить силуэт нашего отряда, следовавшего среди густого кустарника. Изредка только крикнет, вспугнутой со своего ночного гнезда, старый ворон, или куропатка бесшумно пронесется над нашими головами. Такой ночной марш имеет всегда что-то таинственное, и, в высшей степени, полон поэзии. Тишина ночи, глухие шаги, полупотом отдаваемые команды, возбуждают фантазию, и воображение рисует картины, далеко превосходящие самую действительность. Вдруг справа от нас сверкнул огонек, и пули со свистом прорезали воздух. Это был неприятельский пикет, заметивший наше движение, и вслед за его выстрелом на всех окрестных пригорках зажглись сигнальные маяки. Мы были открыты, и абсолютная тишина становилась излишнею. «Слава Богу, теперь, до крайности, можно высморкаться», — громко проговорил стоявший возле меня бородастый казак.

В это время начинало уже светать. Спустившись в долину Афиписа, показался огромный, в тысячу домов, аул Сухунояк, за которым тотчас же начинались густые леса. Повсюду росла высокая кукуруза, а фруктовые сады огорожены плетневыми заборами — вечная преграда для действий кавалерии. Послышалась команда: «Казак и драгуны, вперед рысью!».

«Нагнувшись вперед и высоко держа над головами винтовки, — говорит Горшельд, — катила наша ватага вперед. Мы перемешались с драгунами и неслись во весь опор с единственным желанием — обогнать соседа. Офицеры напрасно старались умерить эту безумную скачку, опасаясь, что лошади не выдержат. В это время на полугоре, где стоял аул, показались шапсуги, и пули стали посвистывать мимо ушей все чаще и чаще. Нам было видно, что в ауле идет суматоха, и жители вот-вот укроются в соседнем лесу. Это зрелище еще более возбуждало нас, и даже офицеры только и кричали теперь: «пошел-пошел». Мы вскочили в аул и, к общей досаде, сразу наткнулись на заборы. Казаки спешились, разметали их и неслись по улицам все дальше и дальше. В это время с другой стороны ворвались кабардинские охотники, и аул зажжен был разом со всех четырех сторон».

Однако почти все население успело выбраться в лес, где под защитой вековых чинар и орехов, стоявших сплошной, непроницаемой стеной, оно было уже в безопасности. Казаки, рыскавшие по улицам и переулкам, нашли, тем не менее, много распряженных арб, нагруженных доверху еще несмолотым хлебом. Раздались звуки трубы. Казаки со всех сторон, очертя голову, летели к своему командиру. Оказалось, что за горою шапсуги укрыли большое стадо. Казаки понеслись туда; небольшое прикрытие, охранявшее стадо, дало залп и рассыпалось. Стадо, шаркнувшееся с испуга в сторону, было моментально оцеплено казаками. В это время показалась значительная шапсугская конница, скакавшая во все повода. Чтобы прикрыть захваченную добычу, князь Амилахвари спешил 3-й эскадрон Нижегородцев и приказал ему держаться, пока остальные драгуны и казаки не отойдут на значительное расстояние. Завязывалось горячее дело.

Когда казаки отогнали скот на большое расстояние, князь Амилахвари послал поручика Махатадзе с приказанием 3-му эскадрону отступать. Махатадзе пришлось скакать через покрытую кустарником ложину. Вдруг из кустов выскочили двое шапсугов — один кинулся с обнаженной шашкой, другой выстрелил почти в упор. Махатадзе, уцелевший каким-то чудом, срубил их обоим и поскакал дальше передавать приказание. На обратном пути он увидел маленькую девочку, сидевшую на дороге возле одного из убитых, и, схватив ее на седло, привез к отряду. «Издали, — рассказывает Горшельдт, — я принял этого ребенка за обезьяну, так грязна и худа была маленькая девочка. Сначала она горько плакала, однако громадный усатый драгун, которому ее поручили, скоро утешил и успокоил ее, точно он всю свою жизнь был нянькой». Эта пленница и была та пятилетняя Афизе, которая сделалась балованною дочкою Нижегородского полка.

3-й эскадрон, между тем, отступал, преследуемый шапсугами. Дело становилось горячее. Прибыли на помощь сам Амилахвари и казаки с графом Воронцовым-Дашковым. К шапсугам тоже прибывали подкрепления. Драгуны и казаки отступали медленно, спешиваясь поочередно; но горцы действовали с таким упорством, что пришлось потребовать, наконец, целый батальон,

который и сменил усталую конницу. Казаки и драгуны потянулись в лагерь.

Другой такой набег те же линейные казаки и тот же дивизион Нижегородских драгун совершили 2-го сентября, когда они из укрепления Григорьевского сопровождали в Екатеринодар оказию. Черкесы, давно привыкшие к проходившим мимо них почти ежедневно войскам, проводили выступившую колонну несколько верст, и затем оставили в покое, не заметив, что князь Амилахвари скрытно перешел через реку Шебш и бросился в дремучий лес, чтобы захватить стада, ходившие на поляне около двух больших аулов. Драгуны и казаки понеслись в карьер. Пока драгуны возились около стада, казаки ворвались в аул и все, что не успело бежать, легло под их ударами или было захвачено в плен. Посреди этой сумятицы убитыми оказались дети и женщины. Князь Амилахвари послал поручика Махатадзе остановить кровопролитие. Махатадзе пустился напрямик и наткнулся в лесу на 18 черкесских девушек, объятых ужасом при виде русского всадника. Махатадзе, говоривший по черкесски, успокоил их и приказал трубачу проводить к отряду. На пути им встретились казаки, возвращавшиеся из аула с богатой добычей. Драгуны прикрывали отступление. Набег удался вполне, и отряд миновал опасный лес прежде, чем горцы собрались по тревоге.

Возвращение с этого набега художник Горшельдт и нарисовал в замечательной своей картине. Она представляет ранний час утра. Вдали обрисовывается фигура казачьего офицера с накинутой на плечи буркой. Это командир сотни граф Воронцов-Дашков. Рядом с ним полковник Шереметев; они уже переехали через реку Шебш и с высокого берега наблюдали за переправой казаков, которые гонят отбитый скот и везут убитых, пленных и пленниц.

Такие набеги имели решающее значение в ходе наших военных действий в Закубанском крае. Без них мы не могли бы утвердиться в плодородных долинах, которые были житницей для горцев; им приходилось волей-неволей покидать эти места и бежать в горы, где они не могли долго существовать. Это ускоряло дело покорения.

Граф Евдокимов и предложенный им план окончательного покорения Кавказа. Союз всех черкесских племен. Пребывание Императора Александра II в районе военных действий Кубанской области в 1861 году

В 1860 же году последовало новое разделение Северного Кавказа: Левое крыло Кавказской линии было переименовано в Терскую область, а Правое крыло вместе с Черноморией вошло в состав Кубанской области; из шести бригад Кавказского линейного казачьего войска и Черноморского войска образовано одно Кубанское казачье войско. Последовали перемены также и в личном составе: начальник Главного штаба Кавказской армии г.-ад. Милютин был назначен товарищем военного министра; на его место г.-л. Филипсон; а командующим войсками Кубанской области и наказным атаманом генерал-адъютант граф Евдокимов.

Объехав обширный край, граф Евдокимов в ноябре представил свои предположения о военных действиях для окончательного покорения Западного Кавказа, причем, главным средством для этого должны были послужить заселение казачьими станицами всего пространства между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря и предложение горцам выселиться на равнины или же удалиться в Турцию. Предположения графа Евдокимова были одобрены, и сформированные Адагумский, Шапсугский и Абадзехский отряды способствовали прочному утверждению русской власти и устройству новых станиц. Башильбеевцы, казильбековы, тамовцы и часть шахгиреевцев в указанный им срок оставили свои места и переселились в Турцию. Одни бесленеевцы упорствовали в исполнении требований. 20 июня 1860 года бесленеевцы были внезапно окружены, и они в числе четырех тысяч семейств под прикрытием войск силою были переведены на р. Уруп, а оттуда уже, получив разрешение, переселились в Турцию.

В этот последний период борьбы черкесы решили отстоять свою независимость не только оружием, но еще внутренними преобразованиями. Этому много способствовали появившиеся среди них иностранцы, которые убеждали горцев продолжать воевать с Россией и говорили, что Англия, Франция и Турция принимают их под

свое покровительство и объявят России войну. Такими обращениями горцы были чрезвычайно воодушевлены, и главнейшие племена их — абадзехи, шапсуги и убыхи, послали своих выборных старшин в Сочи, где 13-го июня они сговорились действовать объединенными силами.

На этом совещании черкесы единогласно решили учредить чрезвычайный союз и сохранять в стране внутренний порядок. Для управления союзом был учрежден меджлис из 15-ти улемов и сведущих лиц; этот меджлис они называли «Великим свободным заседанием». Весь край был разделен на 12 округов, в каждом из них назначали ответственных лиц. Не довольствуясь этими преобразованиями, убыхи искали помощи у Турции и Англии; они обратились к английскому консулу в Сухуми Диксону, прося довести до сведения английского правительства о посягательстве на их независимость со стороны русских войск; они жаловались, что для покорения черкесов генерал Евдокимов окружил их край со всех сторон.

Все эти усилия черкесов, однако, не могли изменить задуманного систематического плана покорения. Со стороны Абхазии ген. Колюбакин, прежде всего, решил нанести нравственный удар: высадившись у Сочи, войска истребили огнем постройки «свободного меджлиса». Тщетно черкесы сбежались со всех сторон и старались спасти свое священное здание: все было напрасно!

Но самый главный удар был нанесен черкесам в Закубанском крае. 20 июля, по окончании работ для устройства новых станиц, около укрепления Хамкеты был собран Верхне-Абадзехский отряд, предназначенный для занятия верховьев р. Фарса и упрочения владения этой рекой.

Появление русских станиц на Фарсе вызвало общее возбуждение среди черкесских племен. В Хамкетский лагерь к графу Евдокимову явились абадзехские старшины с просьбою, чтобы он не шел в их землю и не прокладывал у них дорог и просек, так как они принесли уже покорность Государю и желают жить в мире, Граф Евдокимов, не обратив внимания на их слова, двинулся к Фарсу и расположился в урочище Мамрюк-огой и здесь вновь прибывшим абадзехским старшинам объявил, что они сами первые нарушили покорность заключением союза с шапсугами и убыха-

ми, разбоями, укрывательством беглых и что если они хотя бы действительно принести покорность Русскому Царю, то должны принять то управление и то начальство, какое будет назначено. Абадзехи просили разрешить послать депутацию от всего союза в Петербург, чтобы удостовериться, действительно ли к ним предъявляются требования по воле Государя. Когда им в этом было отказано, то они попросили послать с такою же целью представителей в Тифлис к Наместнику. Граф согласился на эту просьбу, имея в виду, что эта поездка отсрочит враждебные действия абадзехов.

В Тифлисе князя Барятинского тогда уже не было, и депутаты от абадзехов — Гассан Бидхев, от убыхов — Хаджи-Керендук-Берзек и от шапсугов — Ислам-Тхаушев, в сопровождении полка князя Мамат-Лоова, явились к командующему армией, генерал-адъютанту князю Орбелиани, который подтвердил все требования Евдокимова и объявил, что Государь Император в скором времени сам придет в Кубанскую область и если пожелает, то может выслушать их просьбы. Вместе с тем князь Орбелиани письменно обратился к народам убыхскому, шапсугскому и абадзехскому. Он, между прочим, писал: «Государь Император не желает проливать кровь вашу, не желает нарушать ни вашей религии, ни прав вашей собственности. Он желает мира и благоденствия, как и всем своим верноподданным. Вы нарушаете этот мир. Государь каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: дать землю для поселения, позволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения и в селениях ваших строить мечети, не брать вас в солдаты и не записывать в казаки, предоставить каждому селению и округу выбирать из среды своей судей и старшин для разбора всех ваших дел. Для того, чтобы решение судей исполнялось и чтобы никто из вас не обижал другого, будут поставлены начальники.

Между тем как происходили эти переговоры, войска успели прорезать дорогами и просеками все пространство, которое населяли племена по рекам Псефиру, Фарсу, Губсу и по правую сторону Белой.

Осенью 1861 года Император Александр II лично хотел убедиться в достигнутых успехах на Западном Кавказе и посетил Кубанскую область.

11 сентября 1861 года Государь высадился в Тамани, на границе Кавказского наместничества; в свите нахо-

дились генералы-адъютанты князь Долгорукий, Граф Адлерберг, граф Ламберт, Глазенап и лейб-медик Енохин. На пристани ожидали командующий Кавказской армией генерал-адъютант князь Орбелиани с высшими начальствующими лицами. Между прочим, в Тамань к этому времени прибыли более 500 мирных и не мирных черкесов с намерением просить Государя не выселять их с Кавказа. Император сразу обратил внимание на эту толпу черкесов, безмолвно стоявшую невдалеке; спросив у князя Орбелиани — кто они такие, он быстро направился к ним. Тут произошла одна из глубокопотрясающих сцен: при приближении Монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы; затем старейший из них, выступив немного вперед, произнес следующее приветствие:

«Великий Государь! Мы счастливы, что вы обратили на нас свое милостивое внимание; еще более мы счастливы тем, что, несмотря на недавнюю войну с войсками вашими, вы так великодушно доверились нам. Мы это очень ценим, наш Великий Государь, и клянемся отныне быть вашими истинными и верными подданными. Мы знаем, что вы — Царь великой земли, что могущественнее вас никого нет на свете, мы знаем также, что у вас много, очень много подданных, так что мы среди них все равно, как капля воды при большом дожде, но мы все-таки просим не оставить нас и смотреть на нас, как и на остальных подданных. Правда, что до сих пор мы воевали с войсками вашими, но клянемся, что впредь мы будем лучшими и самыми верными рабами вашими. Прикажите, Государь, и мы все готовы свято исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места, наравне с войсками вашими, будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как и на остальных ваших верных подданных...».

В продолжение этой речи и потом, когда ее переводили, среди толпы царило глубочайшее молчание, — никто даже не шевельнулся. Государь со вниманием выслушал слова старейшего черкеса и обещал сделать

все возможное. Как только эти слова были переведены, между черкесами послышались радостные восклицания, и вся толпа двинулась провожать Царя с громкими пожеланиями счастья и благополучия.

Впечатление, произведенное черкесами на Государя, было самое благоприятное, и он потом неоднократно расспрашивал о них князя Орбелиани.

Государь имел ночлег во вновь открытом городе Темрюке. 12 сентября прибыл в Екатеринодар, где был встречен генералами кн. Меликовым, кн. Мирским и Ивановым. Отслушав молебствие в старинном соборе, куда первые Черноморцы перенесли все внутреннее убранство главного храма Запорожской Сечи, принял от войска хлеб-соль. Черноморцы целый вечер не переставали приветствовать своего высокого гостя.

13 и 14 сентября Государь осмотрел войска Шапсугского и Нижне-Абдзехского отрядов, проехав через укрепление Григорьевское, Усть-Лабинское в Майкопе, а 15-го числа, по возвращении из рекогносцировки за р. Белой, выехал через Нижне-Фарскую станицу в укрепление Хамкеты, где в то время находился лагерь Верхне-Абдзехского отряда.

На половине дороги разразилась страшная гроза с порывистым ветром, сильным дождем. Наступили сумерки, а густые черные тучи и высокорастущий лес, которым нужно было проезжать, сделали темноту непроходимой. Путь освещали только факелы, заблаговременно розданные казакам конвоя. Только в 8 часов вечера бозмолвный, волнуемый ожиданиями лагерь, мгновенно оживился и принял торжественно-воинственный вид. Звук музыки и барабанов, громкое «ура» войск, пальба орудий приветствовали въезд Русского Царя в лагерь и огласили окрестные горы и леса.

К полуночи лагерь безмолствовал; бодрствовали одни только усиленные караулы, бодрствовал и сам начальник отряда генерал Ольшевский. С восходом солнца Государь вышел из своей ставки. Полюбовавшись с нагорного берега Фарса на Кавказский хребет, обойдя лагерь с юго-западной стороны, по линии лейб-Эриванского, Грузинского резервных, 20 стрелкового батальонов, дивизиона казачьей артиллерии и Нижегородских драгун, конвоировавших накануне в пути, Государь возвратился в ставку.

В полдень, одновременно с тем, как войска вы-

странялись в колоннах, от Царской ставки до урочища Маврюк-чая, лесистые предгорья верховьев Фарса начали заполняться сотнями конных абдзехов, шапсугов и убыхов. В то время, когда войска громким «ура» и звуками музыки и барабанов приветствовали Монарха, в верховьях Фарса раздавались бранные и раздражительные крики тех горцев, которые желали ехать вместе с депутатами в наш лагерь, чего старшины не могли допустить потому, что это было бы нарушением объявленных графом Евдокимовым условий. От собрания горцев отделилось 50 всадников депутатов, которых Государь пожелал принять.

Представитель убыхов Хаджи-Берзек от имени всех просил Императора принять их в русское подданство; на это Государь ответил, что ему приятно видеть горские народы своими подданными, но для этого они, прежде всего, должны бросить свои набеги, повиноваться и исполнять все требования русской власти, а чтобы доказать свою готовность на это, они теперь же должны выдать пленных и беглых. Молчание было ответом на слова Государя. Сделалось очевидным, что явившиеся в лагерь старшины и депутаты были представителями не целого народа, а только одной части, действительно желавших прекращения войны. Когда Государь спросил: «что же они молчат?», Берзек ответил, что у них есть письменная просьба. Государь приказал принять эту просьбу и объявить горцам, что рассмотрение прошения и вообще устройство их быта он поручает кавказскому начальству. В прошении депутатов горцы просили неприкосновенности земель своих, чтобы там не строить крепостей, станиц, не проводить дорог. Несомненно, что подобная условная покорность должна была продлить на долгие годы дело умиротворения края. Государь сказал: «Я даю месячный срок — абдзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию. Отпустив депутатов, Государь объехал лагерь с окрестностями и в особенности долго пробыл на передовой позиции и в Вагенбурге.

Первая находилась на Фарсе, правый берег которого был покрыт густым лесом. Занимавший эту позицию Гренадерский стрелковый батальон громким «ура» приветствовал проезжавшего Царя. Еще более громкие

крики огласили горы и леса, когда Государь, томимый жаждой, выпил стакан вина за здоровье храбрых стрелков. Такое же «ура» раздалось на противоположной стороне лагеря в то время, когда Государь объезжал семь стрелковых рот линейных батальонов, охранявших обозы.

В 6 часов к Царскому столу были приглашены, кроме Государственной свиты и главных начальствующих лиц, командиры отдельных частей. Командующий Кавказской армией князь Орбелиани после краткой, прочувствованной речи провозгласил тост за Августейшего гостя. Наступила минута высокого торжества, когда воздух потрясся тысячами голосов солдат, кричавших «ура», смешанными с боевыми выстрелами из орудий и залпами из ружей. В то время, когда эти воинственные крики и гром орудий разносились по лесам и горам, лагерь осветился тысячами плашек, шкаликов и китайских разноцветных фонарей, между которыми горели в нескольких местах транспаранты. Одновременно с этим запылали десятки огромных костров, расположенных на возвышенностях вокруг лагеря. При такой, можно сказать, феерической батальной картине, по окончании обеда, все вышли на террасу, устроенную на самом возвышенном месте лагерной позиции. Пребывание на этой террасе закончилось вечерней зарей с церемонией, после чего Государь отправился в свою ставку.

«И вот в то время, — говорит в своих воспоминаниях М. Ольшевский, — когда Русский Царь среди умолкшего, но еще пылающего огнями лагеря играл в вист со своими приближенными, в верховьях Фарса происходили трагические сцены, столь присущие горцам при возбужденном состоянии. А нам известно, что они находились в таком ненормальном настроении еще до отправления депутации. Когда же о Царском ответе узнано было в неприятельском стане, то одновременно с тем, как абадзехи, в особенности ближние, пришли в уныние, шапсуги с убыхами явились подстрекателями. Много было употреблено усилий и убеждений со стороны стариков, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи. Не раз обнажались кинжалы и шашки и даже дошло до незначительной кровавой схватки».

19 сентября Государь, простившись с войсками, выехал из лагеря. Проехав Маврюк-чайское урочище с его знаменитой священной рощей, где жил когда-то

Магомет-Амин и где под его столетними дубами и чинарами собирались абадзехи для решения своих народных дел, Государь выразил благодарность генералу Ольшевскому и, пожелав успехов в военных действиях, закончил, указывая на верховья Фарса, следующими словами: «Постарайся до времени не раздражать твоих разгневанных соседей». Раздавшиеся последовательно орудийные выстрелы в укреплении Хамкеты и станицах Губской и Переправной возвещали проезд через эти места. После ночлегов в станице Темиргоевской, штабквартире Тверского драгунского полка, и городе Екатеринодаре, после переправы через Кубань у Псебедаха, Государь совершил переезд по земле натухайцев в укрепление Константиновское, на берегу Черного моря, где не только часто рыскали партии шапсугов, но и появлялись горцы в больших массах, как, например, случилось при нападении на пост Георгиевский и станицу Ново-Бажанскую.

В Константиновском Государь был встречен Кутаисским генерал-губернатором Колюбакиным и Тифлиским губернским предводителем дворянства флигель-адъютантом Орбелиани. 21 сентября Императорская яхта направилась в Сухуми. Здесь Государю представлялся владетель Абхазии князь Шервашидзе. Осмотрев госпиталь, войска, поблагодарив их за службу и за труды, понесенные в экспедициях, Государь продолжал путь в Потю; здесь, по заранее отданному распоряжению, должен был ожидать речной пароход для дальнейшего путешествия по Риону до Чаладиди и Кутаису; но каково же было удивление всех, когда в назначенный час в Потийском рейде парохода не оказалось.

Была темная, безлунная ночь. Вдали едва виднелся дремучий лес и погруженный в мглу город. Государь не выказал ни ропота, ни гнева и терпеливо ждал, облокотясь на борт яхты. Проходит час, другой, третий, а злосчастного парохода все нет и нет. Находившиеся в свите контр-адмирал Сколков и командир Черноморского флота Глазенап более всех, конечно, были возмущены такою преступною небрежностью и более всех чувствовали себя как бы виновными в том мучительном ожидании, которое так кротко переносил Русский Император. — «А что, ваше превосходительство, что бы было с нами, если бы вон там, у борта, теперь стоял покойный Император Николай?». — «Что бы было, — от-

вечал Глазенап, — да то, что мы с вами давно бы были за бортом».

Наконец, около 4 часов ночи несчастный пароход подошел. Капитан Потийского порта Кутаев, старичок 60 лет, взошел на палубу яхты и по морскому уставу отрапортовал Государю. Ни одного слова неудовольствия Царь не произнес; но зато досталось этому старому моряку от начальства. На грозный вопрос Глазенапа — почему он так долго не появлялся с пароходом, капитан с приложенною трепещущею к шляпе рукою объяснил опоздание тем, что на пароходе не были разведены пары. Надо было видеть в это время адмирала. «Как, капитан, да вы знали еще 14 сентября 1860 года, что Государь Император 14 сентября 1861 г., в 12 часов ночи будет на Потийском рейде, вы должны были распорядиться, чтобы ваш несчастный пароход был целый год под парами, ожидая Его Величество — и это оправдание моряка!»

Переночевав в Поти, Государь на речном пароходе поехал по Риону.

В с. Марани Государь принял князей и дворян Мингрелии, расспрашивал многих из них о их положении, благодарил за преданность и службу во время турецкой кампании и принял устроенный ими завтрак. Завтрак весь состоял из туземных блюд и особенно поразил всех шашлык-монстр. Действительно, было чему удивляться: четыре рослых мингрельца подносят Царю зажаренного на вертеле целого быка, разрезывая его, вынимают из него теленка, из теленка — барашка, из этого индейку, из индейки — цыпленка; и все это приготовлено артистически. Из серебряной азарпеша Царь выпил за благоденствие Мингрелии, и азарпеша заходила между присутствовавшими.

**Пешехский и Абадзехский отряды
в 1862 году. Подвиги Апшеронцев, Кабардинцев
и Нижегородцев. Назначение Главнокомандующим
Великого князя Михаила Николаевича. Объезд
действующих отрядов. Отличная боевая служба
Северцев, Кубанских казаков и 19-го стрелкового
батальона**

Абадзехи, видя готовность нашу перенести военные действия в горы, пришли в сильное волнение. Значи-

тельные партии убухов и ахчипсхувцев, прибывшие с побережья, усердно поддерживали их воинственное настроение. Нужно было ожидать, что абадзехи не ограничатся обороной своих ущелий, а будут нападать на наши новые поселения.

Для действий против абадзехов в феврале 1862 года из состава обонх Абадзехских отрядов был сформирован Пешехский отряд; он должен был открыть работы по проложению просек от Ханской станицы на р. Пешеху»; это и было началом вторжения в горные места.

2-го марта стрелковый батальон Апшеронского полка и одна сотня Кубанских казаков под командой майора Шиманского были посланы из Майкопа к вновь устроенным постам при устье Фюнфта, чтобы доставить гарнизонам их продовольственные припасы. Сдав продукты, колонна выступила обратно. Отойдя несколько верст и поднимаясь на так называемую Семиколенную гору, майор Шиманский заметил, что окружающие балки и высоты заняты густыми массами горцев, а на самой дороге устроены ими завалы. В то же время значительные партии неприятеля показались в тылу колонны.

Рассчитав, что отряду, против которого находился противник, в десять раз превосходящий числом, остается все-таки только одно — пробиться штыками, майор Шиманский с целью ввести в заблуждение неприятеля, направил одну роту Апшеронцев и полсотни казаков к р. Белой, как будто для отыскания брода. Горцы владелись в обман и большинство их бросились туда. Пользуясь этим моментом, Шиманский с тремя ротами и остальными казаками стремительно двинулся на высоты. Загорелся страшно неравный бой. Штык и шашка работали до тех пор, пока противник уступил горсти храбрецов, остатки которых пошли дальше. Горцы, понеся потерю до двухсот убитых и раненых, не решились больше тревожить геройски храбрых Апшеронцев, тем более, что на выстрелы быстро явился на помощь отряд войск.

Этот блестящий подвиг стоил Апшеронцам убитыми капитана Яковлева и 21 нижних чинов; ранеными — 7 офицеров и 89 нижних чинов.

Счастливым исход неравного боя нужно было приписать храбрости закаленным в сражениях Апшеронцам и распорядительности их командира, майора Ши-

манского, который в минуту большой опасности для колонны решился штыками проложить себе путь, или погибнуть во славу своей родной части. Майор Шиманский за этот подвиг был награжден орденом св. Георгия 4-го класса.

Дело 2-го марта выяснило, что в нем участвовали и горцы, уже принесшие покорность; потому всем туземцам, жившим между верховьями рек Лабы и Белой, было предъявлено требование немедленно очистить занимаемые ими места и переселиться на Кубань; в противном случае им угрожали силою. Ни верхние абадзехи, ни махашевцы, ни егерухаевцы, ни баракаевцы не послушались этой угрозы, потому была назначена экспедиция для уничтожения жилищ, хлебов и запасов. К 27 марта войска вытеснили горцев, принудили удалиться за р. Белую и занялись устройством постов и станиц.

Оставалось незанятым одно Даховское общество, в апреле 1862 года Верхне-Абадзехский отряд занял с бою долину р. Дахо и, открыв свои действия, получил название Даховского отряда. Проникнув до р. Белой, он занялся устройством Даховской станицы и проложением дорог. По временам эта мирная работа нарушалась покушениями неприятельских партий. Один из таких случаев особенно памятен в боевой жизни Кабардинского полка. Вот подробности этого дела и выдающегося подвига Кабардинских охотников.

6-го июня один батальон Севастопольского полка был наряжен для сопровождения воловьего транспорта, отправлявшегося в станицу Царскую; для охранения лагеря оставался один батальон Кабардинского полка со своей охотничьей командой в числе 70-ти человек под начальством капитана Щелкачева. Транспорт выступил по назначению. Через некоторое время в том направлении послышался залп из ружей, а затем гик сотен голосов. Очевидно, что завязалось жаркое дело.

К капитану Щелкачеву прибежал фельдфебель Баженок и доложил, что, мол, приказано охотникам с двумя ротами Сводно-стрелкового линейного № 3 батальона, под командой майора Ключи-фон-Клугенау, идти на помощь. Команда бегом пустилась на выстрелы и обошла горцев, которые в числе шестисот человек усиленно обстреливали транспорт. Щелкачев, заняв северную часть аула, расположил цепь впереди. Лишь только

цепь стала на свои места, как, откуда ни возьмись, появились наши казаки. Желая знать, кто прислал эту неожиданную помощь, капитан Щелкачев послал к ним унтер-офицера Зайцева, который, возвратясь, доложил, что казаков две сотни и начальника из офицеров среди них нет.

В это время от р. Белой показались до 1700 человек горцев, спешивших соединиться с первою партией в лесной балке. Как казаки, так и Кабардинская охотничья команда очутились в крайне опасном положении. Хотя в это время к охотникам присоединилось еще 90 человек Кабардинского же полка под командой поручика Ничо, но это подкрепление было слабое. Щелкачев приказал поручику Ничо следовать с приведенными им Кабардинцами на помощь к казакам, ожидать присоединения охотников, чтобы общими усилиями обороняться от противника, или же, в крайнем случае, вместе отступить. Не успели Кабардинцы пробежать несколько десятков шагов, как в той балке, где стояли казаки, загорелась жаркая перестрелка. Щелкачев с охотниками поспешил к балке. Горцы там уже окружили казаков со всех сторон, но охотники бросились в шашки и дали возможность казакам в порядке отступить. Щелкачев с командой также начал отходить, переводя цепь от сакли в саклю и другие закрытия. Приняв это отступление за упадок мужества, горцы в числе пятисот человек с гиком ринулись в шашки. К счастью Кабардинцев, они в это время находились у одного из дворов, обнесенного частоколом, и это препятствие немного задержало горцев и ослабило удар. Пользуясь этим, кабардинцы, отстреливаясь и отбиваясь, в рассыпную пробрались через аул. Щелкачев отступал в числе последних, имея возле себя несколько человек и в том числе рядового Давидова. У одного из домиков Давидов остановился и стал заряжать ружье. Откуда ни возьмись, подбежал горец и, что-то такое пробормотав, уселся почти рядом с ним и начал заряжать винтовку. Вдруг он увидел у Давидова двустволку и совершенно растерялся. Давидов же, окончив прехладнокровно свое дело, приставил дуло ружья к груди горца и выстрелил; после этого он снял с убитого винтовку, кинжал и папаху, подошел к капитану Щелкачеву и сказал:

— Ваше высокоблагородие! Позвольте выстрелить

из татарского ружья вон в того гололобого, что за плетнем.

— Стреляй в любого, был ему ответ. Раздался выстрел, и гололобого, на которого указал Давидов, как не бывало на свете.

— Вот тебе гостинец из твоего же добра, — сказал Давидов.

С каждой минутой число охотников уменьшалось. При дальнейшем движении сам Щелкачев служил по-прежнему примером самоотвержения; его охотники с такою же храбростью на каждом шагу отбивались от преследовавших горцев. Только благодаря тому, что горцы эти направились к партии, которая хотела отбить транспорт, Щелкачеву удалось привести свою команду к колонне майора Клугенау.

Если бы в знаменитой схватке Кабардинских охотников люди были бы менее отважные и опытные в боевом деле, то ни один из них не вышел бы, конечно, живым из этой бойни.

В конце 1862 года Кавказ получил нового Главнокомандующего и Наместника, Великого князя Михаила Николаевича. Ему предстояло упрочить только что сделанные завоевания и довершить покорение Западной части Кавказа. Прибыв в начале 1863 года на Кавказ. Его Высочеством в Ставрополе был отдан следующий приказ по Кавказской армии от 14-го февраля:

«Храбрые войска Кавказской армии! Приветствую вас поклоном от Государя Императора и Царским спасибо за вашу молодецкую и многотрудную службу. Приветствую вас от имени бывшего вождя вашего, генерал-фельдмаршала князя Барятинского, который душевно скорбит, что тяжкая болезнь вынудила его расстаться с вами и через меня искренно благодарит вас, своих сподвижников, за примерное служение Царю и Отечеству. Почитаю себя счастливым, что поставлен во главе Кавказской армии, и горжусь этим местом, прославленным моими знаменитыми предшественниками.

Призываю Бога на помощь; да благословит он оружие наше, да увенчает скорым успехом усилия наши к водворению мира и спокойствия в остающейся еще непокоренною части Кавказа».

Из Ставрополя Великий князь совершил поездку по Кубанской области и посетил войска на боевой линии.

28-го февраля Великий князь с отрядом двинулся из позиции на р. Усенубат к р. Псекупсу. В голове отряда шли 1-й и 2-й эскадроны Северского драгунского полка. Уже прошли половину перехода и отряд приблизился к глубокой балке, заросшей дубовым лесом. Авангард перешел эту балку беспрепятственно, но по правой цепи главных сил неожиданно раздался залп, и партия абадзехов кинулась на нее в шашки. Цепь подалась, резервы открыли огонь и недопустили неприятеля до рукопашной схватки. Тогда горцы обратились на арьергард — три раза они бросались в атаку и вновь были отбиваемы. Северские драгуны с дивизионером своим полковником Петровым марш-маршем понеслись в тыл неприятельской засады; вслед за ними были посланы: сотня 10-го Кубанского конного казачьего полка и Учебный дивизион казачьего войска, а с другой стороны — стрелковые роты Мингрельского и охотничьи команды Эриванского, Грузинского и Крымского полков.

При движении Северцев они в стороне услышали ружейный залп. Драгуны поскакали по тому направлению и очутились в котловине, где находилась партия горцев; большая часть их была спешена, лошади же сбатованы. Северцы бросились в атаку в шашки. Оживленная перестрелка поднялась и там, где действовала пехота.

Великий князь все время находился на возвышенном пункте и в бинокль следил за ходом этого дела. Оказалось, что самый залп, по которому Северцы узнали где находится засада, был произведен по случайно отъехавшему в сторону поручику Тер-Асатурову с трубочком. Тер-Асатуров заметил двух бегущих горцев, погнался за ними и одного изрубил, а другой исчез в густой кустарник; желая настичь его, Тер-Асатуров неожиданно очутился в обширной котловине, наполненной горцами, которые и открыли по нем залп. Он был ранен четырьмя пулями; горцы подбежали к нему и начали стаскивать с лошади, но в это время наскочили Северцы и горцы, оставив свою жертву, скрылись в лес.

После этой стычки Великий князь подъехал к Северцам, благодарил дивизион за молодецкое дело и особенно благодарил Тер-Асатурова.

Вторую половину перехода отряд прошел беспрепятственно и прибыл на р. Псекупс к тому месту, где

стоял отряд полковника Офрейна, явившегося сюда со стороны р. Пшехи.

Во время дальнейшего объезда Великого князя, при движении 1-го марта виднелись кругом: то мелькали они между кустарниками, то гарцовали на открытых равнинах. Начальник Бжедуговского округа, полковник Крым-Гирей-Гусаров со своей милицией понесся карьером на неприятеля; он не заметил впереди себя небольшого ровика, в котором несколько горцев выжидали приближения увлекшегося начальника, скакавшего с восьмью всадниками далеко впереди своей команды. Раздался залп, сразивший как Крым-Гирей-Гусарова, так и поручика милиции Кимчереева с тремя милиционерами.

Две сотни Кубанских казаков, дивизион Тверцов, с двумя орудиями конно-казачьей № 13 батареи и тремя ракетными станками, а также Абдурахман с Кабардинской милицией полетели на выручку. Не выждав атаки, горцы скрылись в лесу. Тверцы и казаки продолжали наступление и, дойдя до обширной поляны, они неожиданно опять встретились с конною партией. Казаки немедленно спешили, потому что густой кустарник мешал действиям в конном строю; ракетные станки и конные орудия открыли огонь. В это время подошли три роты 19-го стрелкового батальона (2-й Кавказский стрелковый полк) и Ширванский стрелковый батальон. Лес был густой, но такие отчаянные головы, как горцы, решились проскакать по опушке мимо огня нашей пехоты, и один за другим начали проноситься во весь дух шагах в пятистах перед нашей целью. Артельные собаки не могли вынести такой дерзости горцев: подзадориваемые быстро несущимися всадниками, они начали кидаться на лошадей, хватая их за хвосты. Солдаты с большим любопытством наблюдали эту картину и балагурили. В цепи послышался смех и ускоренная пальба по наездникам, которым собаки не давали полного хода. Горцы в этот день уже не оказывали сопротивления движению отряда.

Стычка с горцами на следующий день памятна в истории 19-го стрелкового батальона. Между нашими разъездами и горскими наездниками завязалась перестрелка. Взвод Кубанской казачьей № 13 батареи открыл картечный огонь; но горцы не смутились. Подошли два стрелковых батальона: Гренадерский и Самур-

ский; этот последний был послан занять лес и завал. Самурцы заняли часть леса. В это время приближался 19-й стрелковый батальон, командир которого полковник Эжелон послал 1-ю роту для овладения завалом. Рассыпав роту, ротный командир указал нижним чинам только место, куда следовало им сбежаться. Дружно и уверенно тронулись молодцы-стрелки; несмотря на сыпавшиеся на них пули, они бросились на завал. Подскакал взводный офицер на лошади; две пули свалили лошадь, другие две пули пробороздили сюртук седока. Стрелки навалили и дружно полезли. Завязалась короткая штыковая схватка, и завал остался за стрелками.

В этом деле особенно отличился стрелок 1-й роты Алексеев. Он был родом белорусс, солдат бедный; закалившись в своих родных лесах, Алексеев одарен был железным здоровьем и во время действий батальона в лесах он чувствовал себя как у себя дома: при наступлении всегда был впереди, при отступлении всегда из последних показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примерная служба всем в батальоне была известна, и вот когда прислали командиру один георгиевский крест за недавнее дело, то командир наградил им Алексеева.

По кавказскому обычаю раздачу крестов поручали выбору самой роты; обыкновенно выбор этот падал на отличившегося солдата из старослужащих, которые обязаны были после оказанной им чести устроить роте магарыч — угостить водкой. Так как Алексеев был очень бедный, то рота не была довольна назначением ему креста и встретила нового кавалера недружелюбно. Алексеев терпел и ждал только случая показать несправедливость товарищей.

Вот этот случай представился во время движения 1-й роты на завале. Как только цепь тронулась, он, несмотря на предупреждение товарищей, все шел впереди; первый же он бросился на завал; трое горцев в это время перетаскивали раненого товарища за завал. К счастью, ружья у двух из них были разряжены»; третий дал по смельчаку выстрел в упор, но пробил ему только шинель и ранец. Алексеев смело бросился на троих: одного застрелил, другого заколол, а третий поторопился сам убраться. Подбежавшая рота застала Алексеева у своих трофеев, а затем он первый же по-

лез на завал. Когда Алексева спросили почему он не пользовался оружием с убитых им горцев, он ответил: «ваше дело рвать, а мне стыдно — я кавалер». После этого геройского подвига Алексеев пользовался общим уважением батальона.

Обозрение места военных действий произвело на Великого князя благоприятное впечатление. По этому поводу в приказе по Кавказской армии от 11 марта было сказано:

«Употребляя три недели на объезде Кубанской области, я в течение этого времени имел случай видеть почти все войска в ней действующие, большую часть новых поселений и работ, произведенных в прошлом году. Войска найдены мною в превосходном состоянии: их бодрый вид, неутомимость в походе, их мужество, которого я был личным свидетелем, не оставляют желать ничего лучшего. Военные госпитали и лазареты найдены мною в полном порядке; медики обратили особенное внимание мое своею попечительностью о больных и самоотвержением, с которым подавали помощь раненым во время боя. Новые станицы большею частью хорошо обустроены; дороги между ними проложены весьма хорошо. Все это налагает на меня приятный долг объявить искреннюю признательность командующему войсками Кубанской области генерал-адъютанту графу Евдокимову и благодарить ближайших помощников его, и особенно начальников отрядов, и все войска этой области за их неутомимые труды, которыми достигнуты в течение года результаты едва вероятные».

Пшехский отряд. 19-й и Гренадерский стрелковые батальоны. Выдающийся подвиг Кубанских казаков № 26 конного полка с сотником Дугиным против горцев Тубинского общества. Князь Амилахвари с Нижегородцами.

После отъезда Великого князя войска еще с большим рвением занялись устройством станиц, проложением просек. В апреле 1863 года войска Пшехского отряда успели выстроить станицы: Пшехскую, Кубанскую, Бжедуховскую, Бабукаевскую и Апшеронскую, и все это обширное пространство окружить постами и очистить от горского населения.

В середине апреля граф Евдокимов приказал Пшех-

скому отряду начать постройку дороги вверх по Пшехе на Аминовский аул, а оттуда открыть сообщение с Давховским отрядом, который находился вблизи Самур-ской станицы.

Пшехский отряд* 27-го апреля в шесть часов утра выступил из станицы Апшеронской. При движении Тверцы, Кубанские казаки, Ширванцы и стрелки 19-го батальона направлены были для разорения аулов, которые виднелись среди лесов. Тревога, поднятая нашими войсками, заставила озлобленных горцев сбежаться в огромном количестве, и когда отряд приблизился на ружейный выстрел к гористому берегу Дынь-Шекодз, то из-за курганов раздался залп. Полковник Экельн крикнул «Ура», и его 19-й стрелковый батальон, составленный с Ширванцами авангард, побежали по крутому скату и начали карабкаться на высоту. Ширванцы, находившиеся в правой цепи, ударили с фланга на неприятеля, когда он занимался перестрелкою с появившимися перед ним стрелками. Обескураженные горцы подались назад и начали стрелять по арьергарду и обозу. Как только загорелось дело, взвод облегченной № 4 батареи принял самое живое участие; но горцев не смущали ни гранаты, ни картечь, и взвод порядочно поплатился за свою молодецкую службу. Наконец две роты сомкнулись и, дружно бросившись на противника, сбили его с бугров.

Едва кончилось дело в арьергарде, как новое завязалось в правой цепи. Гренадерский стрелковый батальон, шедший впереди, заметил, как на 3-ю роту Кубанского полка напала партия горцев. Роте приходилось отбиваться с двух сторон. Кубанцы с большим мужеством сопротивлялись кидавшимся на них горцам. Солдаты Гренадерского батальона с поручиком графом Менгденом бросились на выручку. Граф был убит выстрелом в упор с солдатским ружьем в руках. Кубанская рота к этому времени заставила горцев отступить. Кроме убитого графа Менгдена и 29 солдат Кубанской роты, в отряде ранены 6-й бригады Кубанского казачьего войска есаул Лагода и Кубанского поручик Коробка, и во всем отряде 86 нижних чинов.

* Кавказский гренадерский, 19-й и Ширванский стрелковые батальоны, 3-й и 4-й батальоны Кубанского полка, Некрасовская и Петропавловская казачьи сотни, артиллерийские взводы конно-казачьей № 13, горной и облегченной № 4 батареи.

28-го апреля отряд выступил к Самурской станице, но был остановлен глубоким, лесистым оврагом. Начальник отряда не решился продолжить движение. Однако, чтобы в точности исполнить предписание, заведывавший штабом отряда генерального штаба подполковник Скобельцын взял, с согласия начальника отряда, Тверских и казаков и перебрался с ними через глубокий овраг, а затем вышел на открытое место, где должна была возведена Самурская станица. Разузнав все, что нужно было, Скобельцын послал к начальнику казаков с известием, что броды через реку Пшеху очень глубоки, что на месте Самурской станицы стоит пока небольшой рудут и что Даховский отряд находится в 12-ти верстах, у Маратуковского поста и занимается рубкой леса. Получив эти сведения, генерал Преображенский повел войска в обратный путь, а подполковнику Скобельцыну послал приказание вернуться к отряду.

После этой рекогносцировки Пшехский отряд продолжал прежние занятия по устройству станиц.

Между тем и Адагумский отряд, под начальством генерала Бабыча, выделив от себя Джубский отряд, продолжал начатые предприятия на южном склоне с целью прочного занятия и утверждения на Пшаде.

Вся деятельность Адагумского отряда теснейшим образом связана с именем Бабыча, руководившего им в продолжение нескольких лет, от сформирования до окончательного роспуска в 1864 году. Воспитавшийся в боевых делах, Бабыч представлял благоприятное сочетание талантливого военачальника и гуманного человека. Требуя работы от солдат, он в то же время заботился о них, и под его начальством войска были покойны. Собственноручно им писанные приказы отличаются обстоятельностью и обдуманностью; в них всюду проглядывает забота о солдате, которые называли его «отцом-командиром» или просто «батской», и готовы были идти с ним в огонь и в воду.

Таким образом, к концу 1863 года вся Кубанская область покорилась русскому владычеству, и войска были уже вполне готовыми к перенесению военных действий в южный склон Главного Кавказского хребта.

Получив донесения о достигнутых успехах, Великий князь 2-го декабря писал графу Евдокимову.

«Донесения ваши об изъявлении абадзехами покор-

ности, о занятии Пшады и Джубы, о поражении в верховьях Туансе убыхских скопищ, до глубины души меня порадовали. Все это — плоды ваших соображений, вашей деятельности и твердости, плоды неутомимых, ваших безпримерных трудов храбрых войск, действующих под начальством вашим. Северный склон Кавказа покорен ими. Ближко время, когда и юго-западный скат будет очищен от дикого, враждебного нам народа, и недоступный доселе восточный берег Черного моря, приняв русское население, станет на самом деле берегом русским. Надеюсь, что минута эта скоро наступит, и мы повергнем к стопам Государя Императора весь Западный Кавказ, умиротворенный и покорный».

В начале 1864 года представилась возможность из Кубанской области вывести часть войск.

По приказанию Великого князя Сводно-стрелковые батальоны Эриванского, Грузинского, Тифлисского и Мингрельского гренадерских полков и стрелковый Гренадерский батальон этой дивизии должны были возвратиться в свои штаб-квартиры в Закавказский край. Расставаясь с ними, граф Евдокимов в приказе от 20-го января 1864 года так отзывался о их боевой деятельности:

«В течение трех с половиною лет моего командования войсками Кубанской области я видел всегда впереди храбрых стрелков Гренадерской дивизии, которые собою подавали пример мужества и неутомимости и стяжали себе от всех завидную, боевую репутацию.

Эти доблестные войска прошли во всех направлениях предгорья Западного Кавказского хребта, очистили от туземцев почти всю северную и значительную часть южной покатости, исходили все горные ущелья и заглянули в такие трущобы, куда горцы, можно сказать, сами попали в первый раз, спасаясь от нашего оружия. Но, отдавая гренадерским стрелковым батальонам должную справедливость в боевом отношении, я считаю обязанностью особо высказать еще лучшее их качество: они во все время нахождения своего в Кубанской области также бескорыстно и беззаветно несли, наравне с прочими войсками, черный труд Кавказской войны, т. е. исполнение всех отрядных работ, которые только прочно и утверждают за нами занятый край. Их труды много способствовали окончательному покорению Западного Кавказа, где теперь уже почти нет неприятеля.

Весьма понятно, что после такой деятельной и доблестной службы стрелковых батальонов Гренадерской дивизии я с особою грустью прощаюсь с этими боевыми моими товарищами; чувства душевной признательности налагают на меня долг передать командирам, полковникам князю Голицину, Авинову, Гамалею, Сколозубову и Комарову, а также командовавшим Кавказским Гренадерским батальоном полковнику Вибергу и лейб-Эриванского подполковнику Трейтеру и всем г.г. штаба и обер-офицерам этих батальонов мою искреннюю благодарность, нижним же чинам прошу объявить мое душевное «спасибо».

15-го февраля 1864 года из станицы Самурской выступили охотники № 26 конного полка Кубанского казачьего войска в числе 92-х пеших и 30-ти конных казаков под начальством сотника Дугина. Конными казаками заведывал хорунжий Садлуцкий. Дугину было приказано осмотреть местность в вершинах Курджипса и правых притоков Пшехи и узнать о путях, ведущих из Тубинского общества на Шахе и к хакучинцам. Охотники, перейдя на другой день через хребет, вышли в Тубинское общество. Скалистая местность, недоступная для действий конницы, заставили сотника Дугина отправить конных казаков обратно в станицу Самурскую; с оставшимися же при нем пешими казаками он достиг берегов Пшехи и расположился на ночлег в одном из разоренных Даховским отрядом аулов.

17-го февраля Дугин, разделив своих казаков на три партии, приказал спускаться в долину по разным направлениям, захватывать и уничтожать что попадется под руку и после того отступать на условленный сборный пункт. Горцы по всему Тубинскому обществу забили тревогу и казаки, вынужденные отказаться от своего намерения, начали стягиваться к сборному пункту. Отступление было чрезвычайно затруднительно, так как наши партизанские партии, отделенные друг от друга пересеченною местностью, не могли оказывать взаимного содействия.

В первых же схватках с тубинцами были убиты сотник Дугин и хорунжий Садлуцкий. Несмотря на потерю начальников, казаки, отражая с геройскою стойкостью атаки превосходного в силах неприятеля, успели к концу дня соединиться и, выбрав из среды своей за старшего казака Евтушенко, решились защищаться до по-

следней крайности на занятой ими крепкой позиции. Целую ночь и весь следующий день продержались они на этом месте, окруженные со всех сторон многочисленными толпами тубинцев и отражая их отчаянные нападения. Положение казаков с каждым часом делалось более и более затруднительным, число раненых возрастало, а помощи ожидать было невозможно.

К вечеру следующего дня в одной из ближайших скал была замечена казаками пещера, и они поспешили воспользоваться этим счастливым открытием. Пользуясь темнотою ночи, они перенесли в пещеру своих раненых и, завалив вход камнями, держались в этом убежище без пищи и питья в продолжение четырех дней, отражая безпрестанно атаки и отвергая неоднократно предложения о сдаче.

Между тем, Евтушенко посылал на линию одного за другим казака известить о безвыходном положении; несколько из них сделались жертвами своей отваги, один же из них, казак Чесноков, счастливо прополз между неприятельскими пикетами и дал знать командиру № 26 полка майору Пистелькорсу в ст. Самурской. На выручку под общей командой майора Пистелькорса первыми двинулись две роты Елисаветпольского полка, 2-й эскадрон Нижегородцев майора Умарова и сотни казаков, которые, достигнув входа в узкое ущелье, вынуждены были остановиться, так как ущелье было занято горцами, и пробиться через него без громадной потери было невозможно.

В этот самый день начальник Верхне-пшехской линии подполковник князь Амилахвари вернулся из Майкопа и, узнав о тревоге, тотчас отправил на помощь Пистелькорсу 1-й эскадрон Нижегородцев, а следом за ним выступил и сам из Самурской станицы со 2-м дивизионом Нижегородцев, ротой Елисаветпольского полка и двумя казачьими сотнями. Амилахвари шел без привалов и соединился с Пистелькорсом.

Оставив пехоту в засеках, Амилахвари с драгунами и казаками вступил в общество Тубу. Разыскивая место, где укрывались казаки, наездники заметили двух пробиравшихся людей в туземной одежде и, кинувшись в погоню, они узнали в них посланных Евтушенко казаков. «Идите скорее, — говорили они, явившись к князю Амилахвари, — Евтушенко велел сказать, что у казаков пятый день как нет хлеба — едят снег; патроны

также паисходе: вчера их оставалось по десяти на брата». Казаки сообщили, что горцы предлагали им сдаться, но Евтушенко отвечал: «Когда перебьют всех, пусть берут наши тела, а живыми никто из пещеры не выйдет».

Забыв усталость и воодушевленные братскими чувствами оказать помощь героям, драгуны и казаки направились на розыски. Князь Амилахвари, собрав трубачей, приказал им играть сбор и затем дал залп. Прошло несколько минут, и вдруг где-то вдаль прогремели три ответных выстрела. Князь Амилахвари тотчас отправил туда 200 пеших драгун и казаков под командою майора Умарова. Горцы приготовились к сопротивлению. Охотники под командою штабс-капитана. Нижегородского полка князя Чавчавадзе первые атаковали неприятеля и, сбросив их с гор, подошли к пещере.

Защитники пещеры, однако, слишком недоверчиво отнеслись на призыв открыть вход; Евтушенко первый выразил сомнение в том — нет ли тут какой-нибудь хитрости со стороны тубинцев. «Чего доброго», отвечали казаки, и в ответ на русскую речь курки винтовок защелкали. «Живы ли Вы?» — раздался незнакомый им голос. «Слава Богу, живы, хотя есть убитые и раненые». — «Не верим, что вы наши — сыграй в трубу», отвечал неговорячий Евтушенко, вспомнив вдруг, что при гибели казаков была отбита у них и труба; — «Скажите сначала кто у вас начальник?» — «Амилахвари», — отвечали ему. — «Знаем, а кого вы знаете из наших?» — Ты Евтушенко, и теперь за старшего». Но Евтушенко придумывал уже новый вопрос и неизвестно до каких пор продолжался бы этот экзамен, если бы, наконец, не появился посланный из пещеры казак. «Я, братцы, Кубанов, которого вы послали; я привел вам выручку». Казаки признали голос и кинулись разламывать каменную стену, которою загородили пещеру.

К утру спасенные казаки были уже в отряде, приветствовавшего их громкими криками «ура».

Из 92-х охотников, бывших под командою охотника Дугина, кроме офицеров, убито 23 и ранено 16 казаков. В виде поощрения такого геройского подвига казаков, которые в продолжение четырех дней ничего не ели, не пили, не спали, а только бились с несоизмеримо превосходившими их числом толпами горцев, граф Евдокимов отправил командиру № 26 конного полка Кубан-

ского казачьего войска пять знаков отличия Военного ордена 4-й степени для возложения на достойнейших по выбору самих казаков и один знак Военного ордена 3-й степени для казака Евтушенко, который кроме того был произведен в урядники.

В апреле месяце генерал Граббе получил приказание с Пшехским отрядом занять общество Тубу и вытеснить и истребить все население тубинских трущоб. Но сами тубинцы считали свое дело окончательно проигранным и выселились почти поголовно в Турцию.

В тот самый период времени, когда горсть казаков № 26 конного полка с таким самоотвержением поддерживали славу своей части, наступил момент, когда всей Кавказской армии было предуказано совершить подвиг — довершить покорение Кавказа.

Военные действия Даховского отряда в 1864 году. Приезд Великого князя и прием старшин черкесских племен. Движение четырех колонн для окончательного покорения горцев

В январе 1864 г. Евдокимов представил выработанный им план военных действий с предположением как можно раньше совершить поход на южный склон Кавказского хребта. Великий князь вполне одобрил этот план, и Даховский отряд* генерала Гейманч 8-го февраля выступил из станицы Ширванской к Пшишскому перевалу. 19-го февраля в укрепление Гойтх, где в то время остановился Даховский отряд, прибыл князь Евдокимов и с ним Кабардинский стрелковый батальон,

* Отряд был в составе 11½ батальонов и 6-ти горных орудий. Квартирмейстер отряда — генерального штаба капитан Духовский; дежурный штаб-офицер — капитан Тимофеев. 1-й, 2-й и 3-й батальоны Севастопольского полка — командиры подполковник Дове, майор Калинин и подполковник Лутохин; 1-й батальон Кубанского полка майора Эльснера; 21-й стрелковый батальон командующий капитан Пригара; сводно-линейный стрелковый № 3 батальон, командир подполковник Кюки-фон-Клюгенау; 1-й и 2-й батальоны Черноморского полка командиры майоры Кременецкий и Попов-Азотов; 1-й и 2-й батальоны Таманского полка, командующий штабс-капитан Арнстов и майор Подрез; обоими батальонами командовал командир полка полковник Гчабаев; 1-й батальон Бакинського полка командующий капитан Меркурьев; 6 орудий горной батареи 19-й артиллерийской бригады — командир полковник Казиков и 3-я рота Кавказского саперного № 2 батальона — командир штабс-капитан Бирюков.

1-й дивизион Тверского драгунского полка, три сотни 6-й бригады Кубанского казачьего войска, две сотни Кабардинской милиции. Вместе с 5-м батальоном Кубанского полка Даховский отряд увеличился до 13¹/₂ батальонов, шести орудий, двух эскадронов и 5 сотен.

20 февраля Даховский отряд двинулся к перевалу. Чем выше поднимались войска, тем больше встречалось препятствий. Пошел густой, мокрый снег, залеплявший глаза. Спуски в некоторые балки были так круты, что по тропам надо было вырезывать в снегу ступеньки; но многие солдатики предпочитали сесть на снег и просто скатываться вниз. После невероятно тяжелого перехода через Гойтхы отряд к вечеру спустился в долину Туапсе. В лагерь явились старшины окрестных шапсугов с изъявлением полной покорности; они просили дозволения беспрепятственно прибыть к берегу и выехать в Турцию. 21 числа посылались несколько колонн для фуржировки и сожжения аулов, через два дня назначено было выступление к морю.

«Завтрашний день дойдем до моря», было только и разговоров в отряде весь вечер 22-го числа. «И что это такое за море?», — спрашивали солдаты своих товарищей. «Слыхать-то слыхали, а видеть никогда не видели», — отвечали большею частью. «И как это воды столько, что конца ей не видно?» — возражали дружно. Да и как было не интересоваться морем. Большинство, не только солдат, но и офицеров никогда не бывало на берегу моря. Уже столько времени Даховский отряд находился в горах. Крутые, суровые вершины, глубокие обрывы, глухие ущелья, утомительные горные походы — все это надоело. И вот на другой день, действительно, отряд, спустившись по ущелью, вышел к морю. Солдаты подбодрились. Перед каждой ротой были впереди песельники. Звонкие русские песни с бубнами далеким эхом разносились по горам и отражались таким же эхом в море. Войска заняли бывший форт Вельяминовский.

В этом месте Даховский отряд простоял до 4-го марта. Между тем, занятый край понемногу очищался. Срок, данный шапсугам на выселение, исходил, и они исполнили свое слово; они сходили к берегу, а с северной стороны гор пришли целые толпы абадзехов. Рассудительные горцы распродали свое имущество заранее, большая же часть горцев все привезла на морской

берег, где единственным покупщиком были только войска. Цены упали до невероятного. Хороший бык продавался за целковый, баран — за четвертак. «Просто беда, — жаловался через несколько дней артельщик ротному командиру, — приступу нет теперь к мясу: за пару волов спросили с меня два целковых без гривны». Порядочную лошадь с седлом и полным убором покупали за пять рублей, а породистую — рублей за двадцать. Солдаты особенно разохотились покупать лошадей. Иной сам не знает зачем, а торгует. Горец пальцами силится показать, что хочет получить за коня рубль или два, а солдат ему предлагает абаз. Вдруг, к общему удивлению, продавец соглашается. «Ну, куда ты коня купил, — говорит как-то фельдфебель солдату, — что ты с ним станешь делать?». — «Да переседу через речку и брошу», — отвечает тот, не задумавшись.

На базаре картина была поразительная. С раннего утра до позднего вечера толпилась масса народа; абадзехи, шапсуги, греки, турки, наши солдаты и офицеры. Главным предметом торговли было оружие: горцы знали, что в Турции его носить не позволят. Дорогие шашки в богатой оправе отдавались за бесценок — то, что прежде ценилось в 200, 300 рублей, здесь можно было купить за 30, 40 рублей. За древний, хороший клинок раньше отдавали десятки рабов, сотни баранов, теперь же все пошло прахом. С каждым днем прибывшие турецкие кочермы нагружались переселенцами. Горцы на воздух стреляли из ружей, прощаясь с родиной, где находились могилы их отцов и дедов. Некоторые, выстрелив в последний раз, с отчаянием бросали дорогое оружие в морскую пучину.

4-го марта граф Евдокимов, сделав надлежащие распоряжения, уехал на пароходе в Новороссийск, и затем в Ставрополь. С отъездом графа все казаки, милиция и один эскадрон Тверских драгун отправлены обратно в штаб-квартиры. В этот же день Даховский отряд тремя колоннами двинулся береговой полосой и 5 марта занял бывший форт Лазарев. Отсюда предстояло действия против сильнейшего племени убыхов.

Из всех убыхских владельцев наиболее влиятельны в то время были трое представителей фамилий Берзеков: хаджи Керендук-Догомуков, хаджи Алим-Гирей-Бабуков, Эльбуз-бек-Хапакх и представитель фамилии Зефш, Исмаил Баракай. Все они были люди богатые,

а Баракай, имевший много родных в Турции, проповедовал энергично о помощи европейских держав; это он привез в убыхскую землю европейских авантюристов. Догомуков стоял во главе воинствующей партии, часто начальствовал над соединенными сборищами абадзехов, убыхов и шапсугов.

5-го марта, по приходу отряда из Псезуапсе, убыхам было послано ген. Гейманом письмо, в котором, между прочим, говорилось: «Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехский и шапсугский безусловно покорились нашему оружию и свободно переселяются в Турцию; те же, кто пожелал, выходят к нам и получают землю на Лабе и Кубани. Теперь, убыхи, вы остаетесь последние. Если хотите знать наши требования относительно вас, то вот они: немедленно выдать всех русских пленных; сейчас же, без обозначения срока те, кто желает идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря к устьям Шахе, Вардане и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы и кочермы, на которых вы можете ехать в Турцию. Лишние вещи продать войскам — это будет дозволено. Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выселяться на Кубань, где им будет отведена земля. Я знаю, что между вами есть люди умные, и вы не допустите себя до разорения, как абадзехи, потому что силою оружия я освобожу ваших холопов, закрою путь в Турцию, и вы будете поселены на берегу Азовского моря. Вспомните, что вы подняли против нас абадзехов и заставили несчастный народ дойти до нищеты».

Это воззвание достигло цели; на другой день в лагере заметили, как подъезжали убыхские старшины; их было 15 стариков во главе с Эльбуз-Хапахк Берзекком; с ним приехал и другой Берзек, Хаджи-Бабуков. Гейману заранее сообщили, что старшины едут не с изъявлением покорности, а только для переговоров, рассчитывая этим отсрочить вторжение в их землю русских войск.

— «Ну что же, убыхи? — сказал Гейман, выходя к старшинам. — Зачем пришли ко мне? Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где нарезные орудия и снаряды? Где союзники ваши?».

— «Мы уже убедились, — отвечали старшины, — что все надежды наши на постороннюю помощь — меч-

та; мы видим, что остались одни, и все, кто прежде заискивал с нами, отворачиваются. Но мы все-таки остаемся убыхами, мы все-таки целый народ и, кажется, можем для своего блага вступать в сношения и заявлять свои требования».

— «Вам ли, убыхам, переговоры вести? Победите нас, прогоните войска. Ведь вы сильны, могучи».

— «Трудно теперь нам надеяться на победу. Мы можем биться до крайности; можем нанести вам много вреда, но, конечно, разоримся и сами. Чтобы избавиться от подобных невзгод, мы желали бы покончить дело мирным путем. Мы хотим срока только месяца три; мы все желаем выйти в Турцию: у нас есть больные, есть имущество; многие живут далеко от берега. А до тех пор мы просим не вводить войска в нашу землю».

— «Об участии вашей вы знаете давно, от шапсугов. Кто хотел, успел приготовиться к выселению. О вреде русским я не беспокоюсь: здесь ведь нам не будет труднее, чем когда мы покорили абадзехов и шапсугов. Но о милости и жалости к вам вы и не думайте. Кто как не вы бесчеловечно, безжалостно поступили с абадзехами? Кто поджигал их на войну с русскими? Если бы не вы, они спокойно, в довольстве давно уже жили бы в Турции. Так стоите ли вы хотя бы какой-нибудь милости? Знайте же, что более переговоров с вами я не хочу вести никаких. Требования мои я сказал вам в письме, а не хотите исполнить — я с войсками приду помогать».

— «Мы знаем, — заговорил Эльбуз, — что требования русских мы должны исполнять. С теми, кто победил Шамиля, кто подчинил своей власти весь Дагестан и Чечню, кто покорил многочисленных абадзехов и шапсугов, нам не по силам сражаться. Мы и теперь народ уже упавший, но, лежа, просим у вас милости. Великодушно и благородству свойственна милость».

— «Нечего рассказывать сказки! Я знаю вас насквозь. Вы еще счастливы, что я не сейчас иду к вам: еще есть время всем выйти на берег. А кто не знает, как идти к берегу, пусть спросит у шапсугов и абадзехов. Уступок с моей стороны нет и не будет впереди».

Этими словами Гейман закончил переговоры, и старшины поняли, что участь их народа решена беспрекословно.

Замечательно красивую картину представляло это пребывание почетных убыхов среди русского лагеря.

тот всегда может рассчитывать на все доброе с моей стороны», — отвечал Гейман

19-го марта отряд занял форт Головинский; здесь через реку Шахе был устроен мост, и отряд двинулся дальше. Все многочисленные селения общества Варда-не были сожжены; в числе их уничтожен и аул Баракая. 24-го марта в лагерь на р. Лоо Хаджи-Догомуков выслал к Гейману несколько почетных убыхов просить дозволения явиться самому. Из ущелья вслед затем показалась группа убыхов, все в бурках и башлыках.

— Здравствуйте, хаджи, — сказал Гейман, когда Догомуков подъехал и несколько секунд простоял молча, — очень рад с тобою познакомиться.

— А я, по правде сказать, не очень рад знакомству с тобою, — отвечал тот.

— Ты, я слышал, хотел быть у меня; да ведь вы, убыхи, больно спесивы: так я сам, первый, приехал.

— От таких гостей нам очень, очень невесело, — отвечал Догомуков.

— Что же ты скажешь? С чем ты приехал теперь? — спросил генерал.

— Мы желаем оставить нашу родную землю и хотим ехать в Турцию, нам нужно собрать имущество, продать скот.

— А чем же вам кормить войска, которые приедут на помощь из-за моря? — спросил генерал.

— Какие войска теперь? — со злостью проговорил горец.

Затем Догомуков от имени убыхского народа изъявил полную покорность и был готов исполнить все, что только прикажут. Некогда грозный и сильный предводитель, тот, перед которым преклонялись целые племена, вынужден был теперь просить, как милости, нескольких дней срока для выселения.

25-го марта без выстрела был занят бывший форт Навагинский (Сочи). Насколько занятием Дахо было положено начало завоеванию самой трудной части Западного Кавказа, настолько занятием Сочи завершилось утверждение владычества всей нагорной полосы.

26-го числа к Гейману приехали депутаты от джигетов. На вопрос — «Зачем они приехали», предводитель Гечь-Решид отвечал:

— Мы джигеты; мы народ вольный; никогда ни с кем открыто не воевали и никогда никому не подчиня-

лись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряется русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью Российского Императора. Услышав что ты здесь, генерал, мы приехали к тебе спросить приказание: как ты скажешь, так и будет. Дозволишь остаться, не скроем, это будет нам особенно приятно; прикажешь выселяться, мы вместе с другими мусульманами уйдем в Турцию.

«Я, — ответил Гейман, — ни дозволить вам остаться, ни приказать выходить самовольно не могу. Я исполняя распоряжение высшего моего начальства и могу вам только передать желание старших. Окончательный ответ на вопрос ваш я сообщу, когда получу на то приказание».

30-го марта показался пароход, с которым приехал граф Евдокимов. Войска боевого отряда выстроились для встречи. На солдатах были старые, давно пожелтевшие шинели, в которых они целую зиму валялись в снегу и по месяцам мокли под дождем; на головах поношенные папахи; загорелые от ветра и бивачной жизни лица свидетельствовали о перенесенных трудах и невзгодах. Но у каждого солдата было светло на душе: каждый был уверен, что услышит от своего начальника ласковое слово.

При появлении графа на берегу войска отдали честь.

«Моя седая голова кланяется вам, братцы, за вашу молодецкую службу», — был первый привет командующего войсками. Единодушное, из глубины солдатской души «ура» заглушило слова закаленного в боях старика. «Командующему войсками «ура», — произнес генерал Гейман, когда граф объехал войска. Горы и ущелья снова огласились победоносными кликами, и все, что было кругом графа, обнажило головы. «Ваш старый командующий войсками один кричит «ура» за славный Даховский отряд и его начальника!» — воскликнул граф и снова «ура» потрясло воздух и звонким эхом пронеслось по горам и ущельям.

Воодушевленные лаской войска сделались необыкновенно бодрыми, свежими и веселыми. Много ли нужно русскому солдату — два, три приветливых слова начальника, и он доволен и счастлив.

К приезду Великого князя приказано было собраться всем старшинам племен, изъявившим покорность Российскому Императору. Приехали шапсуги, гон, убыхи, джигеты и несколько старшин ахчисухвских. Тут

были Заурбек, Догомуков, Бабуков, Эльбуз, Гечь-Решид и с ними целые толпы всадников. 31-го числа приехали начальник Натухайского округа и распущенного Адагумского отряда генерал Бабыч и атаман Кубанского казачьего войска свиты Его Величества г.-м. Сумароков-Эльстон. Войска с нетерпением ждали, когда появится пароход под Великокняжеским флагом.

2-го апреля Императорская яхта «Тигр» бросила якорь против лагеря. Великий князь сел на катер и в сопровождении начальника Главного штаба армии, генерала Карцова, Кутаисского г.-губ. князя Святополк-Мирского, командующего войсками в Абхазии и других лиц свиты высадился на берег. Объехав войска, Великий князь благодарил всех за службу и подвиги, обнял перед фронтом графа Евдокимова и генерала Геймана и затем пропустил все части мимо себя церемониальным маршем. «Смотря на стройное движение колонн под звуки музыки, — говорит очевидец этого торжества, — в эту минуту трудно было представить, что это были те самые люди, которые совершили в феврале переход через Главный Кавказский хребет, а в течение марта прошли почти безостановочно от Туапсе до Сочи, то поднимаясь к снежным горам, то спускаясь к горам по тропинкам, считавшимися доселе недоступными для регулярных войск. Ряды батальонов, правда, были не сильны числом; но нельзя было без особого уважения смотреть на них, нельзя было не видеть, что не в числе их сила, и что если бы перед этими людьми встал новый Кавказ, они не остановились бы перед ним».

Осмотрев войска, Великий князь направился к собравшимся черкесским старшинам. Они были приняты по племенам; все они от имени своего народа заявили безусловную покорность и готовность подчиниться всем приказаниям, с единственной просьбой — дать им возможность переселиться в Турцию, как страну, ближе им известную, нежели те земли, которые предназначены были для водворения их на Кубани. Великий князь ответил, что земли их назначаются для поселений русских, что согласен на их просьбы и дает им месяц срока для того, чтобы они могли подготовиться к переселению и выйти со своими семействами, что беднейшим из них прикажет оказать пособие для морского переезда и что по истечении срока, если кто не исполнит этого требования, то будет поступлено, как с военнопленными, для

чего будут присланы еще новые войска. Старшины обещали исполнить данное слово.

Собственно, Кавказскую войну можно было считать оконченной; только жители Ахчипсху и Псху, занимавшие труднодоступные ущелья по верховьям рек Мзымты и Бзыби, не хотели расставаться со своей свободой и могли оказать сопротивление. Для того, чтобы совершенно очистить край и уничтожить эти слабые остатки враждебных горцев, Великий князь приказал войскам продолжать предположенные движения с двух сторон: из Кубанской области через Главный хребет, в верховья Мзымты и Бзыби и навстречу им из Кутаисского г.-губернаторства от устьев этих рек. Переночевав в лагере, Великий князь выехал через Поти в Тифлис.

14-го апреля генерал Гейман сосредоточил Даховский отряд для выдвигания в бассейн р. Сочи. С движением отряда аулы опустели. Было признано своевременным направить общие усилия для окончания войны.

Для выполнения окончательного плана покорения страны войска были разделены на четыре колонны.

Первая колонна*, под начальством генерал-майора Шатилова, двинута была от Гагр в долину р. Псху; вторая** под начальством генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского, от бывшего укрепления св. Духа вверх по р. Мзымт; третья***, генерал-майора Геймана, от верховьев реки Шахе параллельно Главному хребту через земли горных убыхов и четвертая****, генерал-

* Кавказские линейные батальоны №№ 32, 33 и 35 и сводно-стрелковые, №№ 5, 6, 7 и 8; взвод 1-го Кавказского саперного батальона; горный дивизион Сухумской крепостной артиллерии; сборная сотня Кутаисского конно-иррегулярного полка; сотня Цецельдинской конной милиции; 1/4 сотну Сухумской постоянной милиции.

** 1-й и 2-й батальоны 13-го лейб-гренадерского Эриванского, 1-й и 2-й батальоны 14-го гренадерского Грузинского, 1-й батальон 15-го гренадерского Тифлисского, 2-й и 3-й батальоны 16-го гренадерского Мингрельского, Кавказский гренадерский стрелковый батальон, взвод 1-го Кавказского саперного батальона, горные взводы №№ 1 и 2 батарей Кавказской гренадерской бригады, полсотни Донского, № 2 казачьего полка, полсотни Конвоя Главнокомандующего Армией, конвой начальника отряда и четыре сотни пешей милиции: Имеретинская, Мингрельская, и две Гурийские.

*** 2-й батальон Крымского полка, 5-й батальон и охотничья команда Севастопольского полка, 3-й батальон Кубанского полка. Самурский стрелковый батальон, взвод горной батареи 19-й артиллерийской бригады, две сотни казаков, команда сапер и милиции.

**** Стрелковые батальоны Апшеронского и Ширванского пол-

майора Граббе, из верховьев Малой Лабы через Главный Кавказский хребет.

Все колонны должны были направиться в Ахчипсху, очищая край от оставшегося в горах населения. Для личного направления колонн к Ахчипсхувскому отряду прибыл сам Великий князь.

Из числа этих колонн только колонна Святополк-Мирского встретила упорное сопротивление от населения общества Аибго, обитавшего в недоступной котловине реки Псху.

Надеясь на неприступность местности и на помощь соседних племен, общество это встретило войска в завалах, устроенных на единственной тропинке, по которой наступал отряд. Великий князь 10 мая направил из второй колонны отряд в составе 1-го батальона Эриванского и 2-х батальонов Грузинского гренадерских полков и двух сотен милиции, под начальством генерал-майора Батезатула. Отряд начал подниматься на гору Дзыхру; хотя до нее было всего три версты, но при сильном тумане и большой крутизне, по которой вилась одна только тропинка, отряд взбирался в течение четырех часов. Спуск с вершины Дзыхры к ущелью р. Псху представлял не меньшие затруднения. Лазутчики дали знать начальнику отряда, что большие скопища аибговцев, ахчипсхувцев и абреков из других племен сначала решились защищаться в завалах, а затем разбежались по аулам. Генерал Батезатул 11-го мая двинулся с Грузинскими батальонами и милицией в землю аибгов. Тропинка, по которой двигались войска, шла по очень крутым и обрывистым скатам. Выдающиеся из земли камни и корни деревьев делали этот путь до крайности затруднительным. Здесь каждый неловкий шаг мог повлечь за собою падение в пропасть, конца которой не было видно на дне его; только слышался шум р. Псху, несущейся почти сплошным водопадом. Цепи нашего авангарда были встречены одиночными выстрелами, участвовавшими с движением всего отряда. Со скалы над головами посыпались огромные камни. Милиция под командою штабс-ротмистра князя Накашидзе проскочила через овраг, по которому преимущественно летели камни со скалы; роты Грузинского полка были на-

правлены к ним на помощь. Горцы, боясь быть обойденными, бежали со скалы; все передовые войска мгновенно перешли овраг и три завала, один за другим, были взяты. Во взятии второго завала приняла участие и Цебельдинская милиция, прибывшая бегом из колонны генерала Шатилова. Цебельдинцы с необыкновенным увлечением бросились вперед и в числе первых был убит князь Шахан-Гирей-Маршани.

Генерал Батезатул вытребовал оставленных в резерве Эриванцев. Соревнование между гренадерами придало сил Эриванцам, так что они еще до заката солнца подошли к отряду.

Таким образом, движение гренадер и милиции увенчалось полным успехом: горцы, убедившись, что русские войска прошли такие трущобы, которые они считали совершенно недоступными, и внезапно очутились среди их аулов на горной равнине, бросились на другую сторону р. Псху, а 12-го числа явились депутаты с изъявлением полной покорности и подчинения всем предъявленным требованиям. Действительно, аибговцы вслед затем начали выходить на берег для переселения в Турцию.

Этот четырехдневный поход решил участь не одних только аибговцев, но и соседних племен, ахчипсхувцы и псхувцы отложили всякую надежду о сопротивлении. Отряд 14-го числа возвратился в лагерь под Ахштыр.

Все четыре колонны с разных сторон сосредоточились в центре Ахчипсхувской земли—на урочище Кбаада. Этому глухому аулу суждено было быть местом празднования события громадной исторической важности — окончания Кавказской войны.

Молебствие и парад 21 мая в урочище Кбаада. Приказ по Кавказской армии. Телеграмма и рескрипты Императора Александра II. Награды войскам. Торжества и молебствие в Тифлисе. Заключение.

Утром 21-го мая глухое урочище Кбаада оживилось необычайною деятельностью боевых Кавказских войск: они чистились, одевались, приготавливались и строились к параду; то туда, то сюда сновали адъютанты и офицеры за приказанием. В большую диковинку были в ту пору войскам, в особенности Кубанской области, смотры и парады. В походе и сражениях они чувство-

ков, сводно-стрелковый батальон, сотня милиции Верхне-Кубанского приставства, две сборные сотни казаков 7-й бригады и взвод горных орудий облегченной № 4 батареи.

вали себя как дома, а здесь суетились, не знали как и за что взяться. Небо было сумрачно; густые серые тучи беспрестанно закрывали снеговые вершины громадных хребтов. Временами падал то крупный, то мелкий дождь; только к концу торжества показалось солнце и погода разгулялась.

В одиннадцатом часу тронулись батальоны, сотни, артиллерия и милиция с развернутыми знаменами. Западную сторону занял Даховский отряд, северную — Мало-Лабинский, восточную — Псхувский и южную — Ахчилсхувский.

Вот стали лейб-гренадеры Эриванцы, со славой прослужившие всем царям дома Романовых, начиная с 1642 года; рядом с ними стояли представители остальных трех гренадерских полков, боевые подвиги которых также гремели по всем горам Кавказа от Арпачая и Аракса до Кубани и Терека — Грузинцы, Тифлисы, Мингрельцы; затем представители других старых и более молодых полков, уже успевшие заявить свою службу боевыми заслугами в Дагестане, Чечне, за Кубанью и, в особенности, в последние годы под предводительством закаленного в боях ветерана графа Евдокимова-Самурцы, Севастопольцы, Крымцы, Черноморцы; тут были представители знаменитых Донских и славных Кубанских казаков; наконец, в разнообразных живописных мундирах представители туземных дружин — Цебельдинцы, Мингрельцы, Имеретины и Гурийцы; в стремительных атаках они не отставали от казаков и драгун и к концу войны приобрели добрую славу.

Начался церковный парад. Пробыли «на молитву» и вышли вперед знамена. На кургане стоял Великий князь Главнокомандующий, окруженный генералами, многочисленной свитой офицеров и георгиевскими кавалерами, а далее со всех сторон стройные густые колонны со сверкающими штыками.

После молебствия и окропления знамен Великий князь объехал войска, благодарил всех за совершенное «трудное и великое дело» и затем начался церемониальный марш. Великий князь благодарил каждую часть.

Здесь же, в лагере, на урочище Кбаада Великий князь отдал следующий приказ по Кавказской армии:

«С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей поздравляю вас, войска Кавказской армии, с покорением Западного Кавказа и с окончанием Кавказской войны.

Своим мужеством в боях, своей беспримерной твердостью в перенесении тяжелых трудов и лишений сослужили вы Государю и Отечеству великую службу: ни ужасы диких, недоступных горных убежищ, ни отчаянное сопротивление обитателей их, ни суровая стужа, ни палящий зной — ничто не остановило вас — все преодолели вы в течение многих лет, не слабые духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг, — и достигли цели.

Слава Всевышнему, увенчавшему ваши усилия! Слава и признательность Отечеству вам, покорители Кавказа! Вечная память павшим товарищам вашим, не дождавшимся настоящей радостной и великой минуты!»

На всеподданнейшее донесение об окончании Кавказской войны Император Александр II телеграфировал: «Благодарю от души всех начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную полным успехом. Я горжусь ими более, чем когда-либо».

22-го мая войскам приказано было начать обратное движение: Даховский отряд выступил на р. Сочи, Ахчилсхувский — в устье р. Мзымты, а Псхувский и Мало-Лабинский приступили к окончательному выселению горцев.

Уже в первой половине июня вся масса туземцев отправлена была в Турцию. Всего, начиная с 1858 по 1865 год, выселилось 418 тысяч горского населения.

За покорение Западного Кавказа последовал целый ряд милостей.

Сам Главнокомандующий был награжден орденом св. Георгия 2-го класса и саблею, алмазами украшенную, с надписью «За окончание Кавказской войны». По этому поводу Великий князь в приказе от 2-го июля объявлял: «В собственноручном письме, которым при этом Государь удостоил меня, Его Императорское Величество изволил выразить «Этими двумя наградами я хотел в лице твоем почтить всю славную Кавказскую армию и уверен, что молодцы наши так их и примут». С чувством искренней радости объявляю вам милостивые слова Государевы и еще раз благодарю вас, как виновников высокой награды, мною полученной».

В то же время Государь обратился к Великому князю со следующим рескриптом:

«Ваше Императорское Высочество. Ряд блистательных подвигов, совершенных славными Кавказскими войсками под предводительством многих доблестных вож-

дей, ознаменовал многолетнюю кровавую борьбу, поднятую для ограждения наших владений, сопредельных с Кавказским краем, от набегов хищников, для защиты от порабощения мусульманами единоверных для народов, добровольно вручивших свои судьбы под покровительством России и для умиротворения края, представлявшего издревле постоянное зрелище междоусобия, грабежей и разбоев.

На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорением Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что «отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени».

В воздаяние же «храбрым войскам Кавказской армии, стяжавшим себе вечную славу, и в признательность Нашего любезного Отечества за совершенное ими великое дело умиротворения всего Кавказского края и покорения Державе Русской» в Высочайшем приказе, данном военному министру 12-го июля 1864 года, повелено учредить: для всех офицеров и нижних чинов особый крест в память покорения Кавказа, особую медаль для тех чинов, которые принимали участие в военных действиях на Западном Кавказе в четырехлетие с 1859 по 1864 год. Кроме того нижним чинам был сокращен срок выслуги службы с 20-ти до 15-ти лет и разрешен увольняемым нижним чинам отвод земель во вновь покоренном крае.

Граф Евдокимов был также награжден орденом св. Георгия 2-го класса. В грамоте по этому поводу Император Александр II писал:

«Представленное вами в 1860 году и одобренное Нами предложение о способе действий для скорейшего окончания войны на Западном Кавказе увенчалось ныне блистательным успехом, превзошедшим даже ожидания Наши, быстрым достижением цели, доказывающим основательность принятых по соображениям вашим мер. В три года времени умиротворенный и совершенно очищенный от враждебного нам туземного населения Западный Кавказ уже в большей части своей занят прочно водворенными русскими поселениями, и долговременная, кровопролитная война окончена, избавляя Государство от огромных жертв, в течение полутора столетия его обременявших, и доставляя ему обширный и богатый край, который со временем, несомненно, с избытком вознаграждает эти прежние пожертвования.

Высокие заслуги, вами оказанные, как составлением предположения к достижению сей цели, так и отличным исполнением оного, увенчавшим распорядительность вашу полным успехом, а командуемые вами храбрые войска новою славою, приобрели вам право на особенную искреннюю Нашу признательность. Во изъявление оной, и в воздаяние вышеозначенных заслуг ваших, жалуюм вас кавалером Императорского Нашего святого Великомученика Победоносца Георгия второй степени, знаки коего, при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению».

Генерал Гейман получил орден Георгия 3-й степени. Войсковым частям за подвиги, мужество и храбрость, оказанные при покорении Западного Кавказа в 1864 году, пожалованы:

Георгиевские серебряные рожки с надписью: «За отличие при покорении Кавказа в 1864 году» — 1-ой, 2-ой, 3-ей и 4-ой стрелковым ротам Эриванского, Грузинского, Тифлисского, Мингрельского, Самурского, Ширванского, Кабардинского и Апшеронского полков.

Георгиевские знамена с такою же надписью с сохранением прежних Кубанского казачьего войска конным полкам, начиная с № 10 по № 22 включительно*.

Георгиевские знамена с тою же надписью и с сохранением прежних: 1-ому и 2-ому Волгским полкам Терского казачьего войска.

Общее войсковое георгиевское знамя с надписью «За Кавказскую войну» — Кубанскому казачьему войску.

За отличие и подвиги в продолжение Кавказской войны пожалованы:

Нижегородского и Северского драгунских полков нижним чинам особое наружное отличие в виде шерстяного басона на воротниках и обшлагах мундиров по образцу ордена св. Георгия.

Новые Георгиевские знамена: 1-ому и 2-ому батальонам Тифлисского, 2-ому и 3-ему батальонам Мингрельского гренадерских полков, Кавказскому линейному

* При реформировании в 1870 году Кубанского казачьего войска знамена были переданы: № 10 полка — в 1-й Уманский, № 11 — в 1-й Кавказский, № 12 — во 2-й Кубанский, № 13 — в 1-й Кубанский, № 17 — в 1-й Хоперский, № 18 — во 2-й Хоперский, № 19 — в 1-й Урупский, № 20 — в 1-й Лабинский и № 21 — во 2-й Лабинский казачьи полки.

№ 19 батальону, (с 1874 года вошел в состав Черноморского полка).

Георгиевские знамена с прибавлением к имевшимся надписям новых: всем четырем батальонам лейб-грендерского Эриванского и Грузинского грендерского полков; 3-ему батальону Тифлисского грендерского полка; 1-ому и 4-ому батальонам Апшеронского и 2-ому батальону Дагестанского пехотных полков.

Георгиевские серебряные трубы: 1) с надписью: «За Кавказскую войну» — 4-ому батальону Тифлисского, 1-ому и 4-ому батальонам Мингрельского грендерских полков; Дагестанскому конно-иррегулярному полку; 2-ой и 3-ей (ныне 5-я батарея 38 артиллерийской бригады) батареям 20-й артиллерийской бригады; № 1-ой и 2-ой конно-артиллерийским батареям Терского казачьего войска. 2) с надписью: «За отличие при покорении Восточного Кавказа в 1859 году» — 1-ому и 3-ему батальонам Апшеронского пехотных полков; 3-й батарее 21-й артиллерийской бригады (ныне 6-я батарея 38-й артиллерийской бригады).

Дополнительная надпись 4-ой батареи Кавказской грендерской артиллерийской бригады (ныне 5-я батарея той же бригады).

Серебряные петлицы за военные отличия на офицерские мундиры — 1-ому Кавказскому саперному батальону.

Грендерские бои (поход за военное отличие — Кабардинскому пехотному полку).

Георгиевское знамя с надписью: «За боевые подвиги в Кавказскую войну и за дело под аулом Шали 18 января 1864 года» — 1-ому батальону Навагинского пехотного полка.

Георгиевское знамя с надписью: «За Кавказскую войну» Грузинской пешей дружине (ныне 5-й Кавказский стрелковый полк).

Знаки отличия на головные уборы с надписью: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году». 72-му Крымскому, 74-ому Ставропольскому, 75-ому Севастопольскому и 76-ому Кубанскому пехотным полкам, 15-ому Тверскому, 18-ому Переяславскому драгунским полкам, Стрелковым батальонам: Кавказскому Грендерскому, 19-ому и 21-ому, 2-ому Кавказскому саперному батальону. Кавказским линейным батальонам: №№ 2, 3-ему и 5-ому. 1-ой и 3-ей ротам № 4-го. Стрел-

ковым ротам Кавказских линейных батальонов: №№ 1, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 17, 18, 19-ой артиллерийской бригаде. Кубанского казачьего войска — пешим батальонам: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11; 12 и 13. Отдельным конным полкам: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Кубанскому конно-иррегулярному полуэскадрону. Конно-артиллерийским батареям Кубанского казачьего войска 1, 2, 3, 4 и 5-й.

Знаки отличия на головные уборы с надписью: «За отбитие штурма на укреплении Хамкеты 14 июня 1862 года и за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

Кавказского линейного № 4 батальона 2-ой, 4-ой и стрелковой ротам.

Великий князь прибыл в Тифлис 8-го июня. На другой день толпы народа начали наполнять улицы около дворца и окаймляли площадь, на которой была поставлена для совершения благодарственного молебствия красиво убранная палатка. Между тем, в залах дворца собрались генералы, высшие гражданские чиновники, представители от дворянства и города.

Великий князь, войдя в залу, обратился к присутствующим с речью, в которой привел слова полученных от Государя рескриптов. Громкое задушевное «ура» было ответом на эту речь. Затем Великий князь продолжал: «Отныне война Кавказская принадлежит уже истории. Нам предстоит теперь заботы о гражданском устройстве и развитии умиротворенного края, и я вполне надеюсь, что на этом поприще вы, господа, все будете также помогать мне и содействовать, как до сих пор содействовали».

После этих слов Тифлиссский губернский предводитель дворянства Дмитрий Кипиани обратился к Великому князю со следующим приветствием:

«Ваше Императорское Высочество! Вы довершили покорение Кавказа и тем внесли в историю неразлучное с вашим именем событие громадной важности. Избранные грузинским дворянством, приносим Вашему Императорскому Высочеству поздравление от имени всего сословия. Теперь да поможет вам Всевышний водворить гражданственность там, где только что прекратилась вековая война».

Выслушав поздравления и от городского головы, Великий князь вышел на площадь, куда к этому времени

крестным ходом из Сионского собора прибыло духовенство. Экзарх Грузии обратился к Великому князю с речью, в которой отметил громадное значение этого события для края. После молебствия Великий князь объезжал ряды войск и благодарил от имени Государя за их доблестные подвиги. Офицерам и солдатам было устроено угощение.

Покончив с задачей умиротворения Кавказа и устройства управления горцами, Великий князь занялся внутренними преобразованиями края. 20-ти летний период наместничества можно разделить на две части: до 1872 года Великий князь был занят проведением крестьянской и судебной реформ, преобразованием главного и местного управления, а также наилучшим разрешением всех мер, которые, так или иначе, имели отношение к новым условиям народной жизни. Мероприятия второго десятилетия были результатом предшествовавшей работы и стремились к осуществлению предположений правительств к приобщению Кавказского края к общерусской гражданственности.

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо кавказской войны (вместо предисловия)	3
Приказ по Кавказскому военному округу № 103 21-го дня 1914 г. — В Алушке	12
Распространение русской власти на Северном Кавказе и Черном море. Черноморское казачье войско. Черкесские и абазинские племена. Штурмы Анапы. Замечательный подвиг сотника Гречишкина с линейными казаками	15
Штабс-капитан Кавказской грен. артил. бригады Новицкий и путешествие его в земли черкесских племен. Бесленей Аббат. Завятие мыса Адлера в 1837 г.	32
Император Николай I на Кавказе в 1837 году. Боевые подвиги Эриванцев, Грузинцев, Тифлисцев, Мингрельцев, Тенгинцев, Навагинцев и Черноморского флота при занятии Сочи, Туапсе и Субаши	43
Взятие черкесами Михайловского укрепления и подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова. Геройская защита Навагинцами Абинского укрепления. Путешествие Цесаревича Александра Николаевича по Кавказу в 1850 году	55
Магомет-Амин и Сефер-бей — руководители черкесских племен. Изъявление покорности бжедугами и абадзехами. Смерть командира Северского драгунского полка кн. Багратиона. Набег Новотроицкой сотни поручика графа Воронцова-Дашкова и князя Амилахвари с Нижегородцами на шапсугские аулы	68
Граф Евдокимов и предложенный им план окончательного покорения Кавказа. Союз всех черкесских племен. Пребывание Императора Александра II в районе военных	119

действий Кубанской области в 1861 году	76
Пешехский и Абадзехский отряды в 1862 году. Подвиги Апшеронцев, Кабардинцев и Нижегородцев. Назначение Главнокомандующим Великого Князя Михаила Николаевича. Обезд действующих отрядов. Отличная боевая служба Северцев, Кубанских казаков и 19-го стрелкового батальона	84
Пешехский отряд. 19-й и Гренадерский стрелковые батальоны. Выдающийся подвиг Кубанских казаков № 26 конного полка с сотником Дугиным против горцев Тубинского общества. Князь Амилахвари с Нижегородцами	92
Военные действия Даховского отряда в 1864 году. Приезд Великого князя и прием старшин черкесских племен. Движение четырех колонн для окончательного покорения горцев	99
Молебствие и парад 21 мая в урочище Кбаада. Приказ по Кавказской армии. Телеграмма и рескрипты Императора Александра II. Награды войскам. Торжества и молебствие в Тифлисе. Заключение	111

**ПОКОРЕНИЕ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И
ОКОНЧАНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ**

Техн. редактор **Коблева М. Х.**

Сдано в набор 17.05.93. Подписано в печать 15.09.93. Формат бумаги 84x108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,3. Заказ 0104. Тираж 10000. Цена договорная.

Издательство «Меоты». 352700, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13.

Республиканское издательско-полиграфическое объединение «Адыгея». 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.